

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Владимир БЕЛОБОРОДОВ

НОРМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Среди полесья и полей, между Темными землями, орочьими степями и Старкским королевством, раскинулась Исвария. Страна, в которой царит сильная магия и суровый меч.

И вот в этот не совсем уж радужный мир попадает наш соотечественник. Он не помнит, кем он был в этом мире. Он не помнит, кем он был в нашем мире. Он не знает, кем он станет в будущем. Он старается. Он ошибается. Он любит.

Норману предстоит пережить многое. Но он останется собой – веселым неунывающим парнем, который рад помочь любому.

Владимир Белобородов

Норман

Пролог

Большинство людей рассматривают жизнь как дорогу, извилистую или прямую, грунтовую или асфальтированную, шоссе или тропинку. Но у всех этих визуализаций судьбы, какими бы они ни были, есть кое-что общее – перекрестки. Человеку всегда приходится делать выбор, а правильный он или нет, это уже совсем другой вопрос, суть в том, что он есть.

Мне же боги преподнесли сюрприз: моя дорога шла двумя разными путями, в какой-то момент сошедшимися в одну замысловатую тропу. Впрочем, все по порядку...

Глава 1

Сергей

В голове стоял неумолкаемый шум, нет – гул. Во рту пересохло настолько, что язык прилип к небу: «Что ж так фигово-то!» Веки медленно поползли вверх. Мутная картинка ни в какую не хотела становиться различимой. Наконец, через несколько минут стало проясняться. Так, деревянный потолок, доски довольно широкие, на срезе масса сучков. Я явно в горизонтальном положении. Что у нас справа? Какой-то тип в мешковине. Спит сидя, опустив подбородок на грудь.

– Пить.

Очнулся. Похлопал заспанными глазами:

– Sall gone.

– Пить. Принеси пить.

– Gone ne sage.

– Что ж ты издеваешься надо мной? Пить принеси.

Парень покачал головой в знак того, что не понимает. Блин, как болит голова. Стены из обшарпанного камня. Довольно странный интерьер. Декорации к средневековому фильму. Откуда-то из-за головы льется свет. Вернее всего, из окна. Блин...

Ректор Академии жизни ИсвариИ магистр Корвен эль Дорен пребывал в слегка раздраженном состоянии. Только что прочитанное письмо от короля, требующее предоставить результаты по изучению возможности ментального воздействия на большом расстоянии, испортило довольно-таки умиротворенное настроение. К сожалению магистра, предоставлять было особо нечего. За год работы академия в данном вопросе продвинулась... хотя можно сказать, что не продвинулась ни на локоть, а вот средства на развитие данного направления успешно заканчивались, как, впрочем, и подопытные. Бутылка красного старкского уже наполовину опустела, а разумной мысли, что написать в ответ, в голову не приходило. В дверь кабинета скромно постучали. Магистр давно уже научился распознавать по стуку своих подчиненных. В данный момент явился верховный маг лекарского факультета Алессон. Старец довольно умело руководил отделением, да и числился не самым худшим магом-лекарем, но в последнее время нервировал магистра своими нравоучениями и постоянными просьбами. Корвен эль Дорен считал это наступлением старческого периода, как-никак магу уже перевалило за триста, хотя стариком он был довольно бодрым. Магистр сделал еще один глоток вина и пригласил мага:

– Входи, Алессон.

Старец медленно открыл дверь, размеренной походкой подошел к столу магистра, молча сел в кресло посетителя. Эль Дорен поморщился – лишь Алессон и верховный маг факультета артефакторов Ларенс эль Соидан вели себя столь фамильярно в его кабинете. Ларенс – потому что был другом и, пожалуй, единственным человеком, с которым магистр позволял себе расслабиться, а Алессон – потому что еще помнил, как гонял юного Корвена на пересдаче.

– Что? Величество требует отчета? – кивнув на свиток, заговорил первым маг.

– Да. Не знаю даже, чем обрадовать монарха.

– Доложи ему о воздействии ментальных амулетов на гоблинов.

– В прошлый раз писал, ему интересны орки и люди.

– Готовится к войне?

– Все к этому идет. Либо мы захватим орочьи степи, либо, если не успеем, на нас пойдут старкские войска.

– Думаешь, если орков подомнем, старки не нападут?

– Вряд ли. Нам не придется разрываться на два фронта. А с неразделенными войсками старкам не справиться. Ты зашел поговорить о политике?

– Не совсем. Очнулся сын Рамоса Ровного.

– Это сын купца, который продал все свои лавки ради излечения слабоумного отпрыска?

Ну и как? Надеюсь, лечение прошло успешно? Разум в глазах появился?

– Да как сказать. Слуга говорит, что он очнулся и даже что-то лопочет, но не по-нашему.

Сейчас снова в беспамятстве. Я велел вызвать меня, когда еще раз очнется.

Магистр помолчал некоторое время.

– Я так понимаю, языков дурак знать не мог?

– Да не то слово. Он и по-исварски знал два слова: «есть» – и диаметрально противоположенное. Потому и взялись за него. Проще заново обучить после подсаживания души, чем переучивать.

– Слуга не мог ошибиться?

– Не думаю, я своего Ерама поставил, парень толковый, а вопрос серьезный.

– Если это то, о чем я думаю, могут возникнуть проблемы.

– Потому и пришел.

– Ярил знает?

– Нет, к тебе первому пришел.

Магистр достал второй кубок и налил магу. Оба молча пригубили.

– Рано пока волноваться, – первым нарушил тишину магистр. – Очнется – зови, посмотрим на умалишенного.

Второе пробуждение было менее болезненным. Опять тот же тип справа. На этот раз бодрствует. Уткнулся в толстенный фолиант – иначе то, что находится у него на коленях, не назовешь. Волосы пострижены «под горшок». Кого же он напоминает? Ах да, парня из гоголевского «Вия». Как его... бурсака, философа... да ладно, короче, монаха. Хотя на монаха не тянет, скорее, послушник из монастыря. Такое же невзрачное серое одеяние, перепоясанное чем-то непонятным. Не удивлюсь, если толстой веревкой, это соответствовало бы обстановке. Довольно юн, может, лет семнадцать-восемнадцать. Да что ж так голова-то болит...

– Пить.

На этот раз реакция пошла иная, парень явно занервничал. Сначала бросился к шнурку и начал за него дергать, где-то вдалеке раздался звон. Потом бросился ко мне – налил дрожащими руками в кружку воды из глиняного кувшина, приподнял мою голову. Тысячи иголок впились в мозжечок. Как же вкусна бывает обычная вода! Так, а это что? Я связан? Да еще по полной программе, как в «дурке»? Руки и ноги, каждая отдельно, примотаны к кровати какими-то кусками ткани, напоминающими мешковину одеяния старательно вливающего в меня воду «послушника». Где я? Паренек медленно опустил мою голову на подушку, и мое брэнное тело исчезло из поля зрения. После утоления жажды слегка

полегчало, начали отходить вкусовые рецепторы. И все-таки, где я? Решил озвучить вопрос:

– Где я?

– Ungore gas ebeli dar. Ebeli dar.

– Что?

– Gone ne sage.

Уразумев, что я его не понимаю, парень указал пальцем куда-то на дверь, потом на пол рядом с кроватью, опять на дверь и на пол и при этом непрерывно что-то лопотал. Осталось надеяться, что сейчас подойдет кто-то поадекватней «послушника». А пока нужно привести мысли в порядок.

Зовут меня Сергей Рябьев, по батюшке Валерьевич. Вчера.... Хотя какое вчера, судя по состоянию, я здесь далеко не пару часов. Значит – когда-то, и это когда-то может исчисляться днями. Ну ладно, пусть будет позавчера, в пятницу, по закону подлости пропало напряжение на одном из трансформаторов завода. Я как ведущий инженер-энергетик предприятия, на котором кропотливо зарабатываю свои трудовни (в связи с двухмесячной задержкой заработной платы иначе не скажешь), обязан был остаться до восстановления электроснабжения. Хотя, если честно, толку в данном вопросе от меня ноль. Бригада электриков уже месяца два ждала этой аварии, так как руководство ни в какую не давало остановить цех для ремонта. Я оббегал всех и вся, дошел до зам. директора, результат – ноль. План горит, останавливать производство нельзя, пошел через неделю – стандартные ответы. В общем, электрики были морально и физически готовы. В связи с этим моя роль свелась к чисто номинальному присутствию на предприятии до устранения неисправности (в реальности – к раскладыванию «косынки» и неумеренному употреблению кофе).

Где-то после часа ночи, когда кабельная линия на трансформатор была восстановлена, проверена и запущена, я, отпрапортовав по сотовому руководству, со спокойной совестью вышел с завода. Ну и, поскольку общественный транспорт уже не ходил, денег на такси в связи с задержкой зарплаты не было, а ночь выдалась теплая, – решил прогуляться до дома пешком. Благо идти всего пару километров. По дороге нагнал мастер энергоцеха Михалыч, живущий через дом от меня и застрявший на заводе по аналогичной причине. Июльская ночь радовала тишиной и довольно яркими для лета звездами. Поскольку вымотались мы прилично, я – от безделья, а Михалыч – от трудов праведных, после пережевывания костей главному инженеру и иным руководителям (ну ведь предупреждали же!) разговор сам собой заглох.

За два квартала до дома мне как-то резко поплохело. Перед глазами пошла рябь, волной нахлынула тошнота. Я остановился, а вот дальше память воспроизводила лишь обрывки... Лицо Михалыча с всклокоченными волосами, мигалки «скорой», человек в белом халате, человек в серой хламиде... Стоп. Дальше пробел.

Ничего внятного, проясняющего мое положение, не запомнил. И все-таки, где я? В больнице? Довольно странная «медсестра» для медицинского учреждения. В монастыре? Да какого ляда меня сюда поместили? А о том, что именно поместили, связанные руки и ноги говорили более чем красноречиво. Яснее от анализа произошедшего не стало. Подожду развития событий. Хотя выбора у меня все равно нет: либо бежать, либо ждать. Можно было бы попытаться «послушника», но, судя по изначальным лингвистическим экспериментам, ни он меня, ни я его не понимаем, что только добавляет вопросов. Так что ждем, Сергей Валерьевич. Не паникуем.

Спустя четверть часа в «келью» (по-другому называть данную комнату язык не поворачивается) вошли две довольно колоритные личности. Первый, и явно превосходящий по должности – что неумолимо чувствовалось во всем: стати, взгляде, непонятных ощущениях и, самое главное, очень-очень низком поклоне «послушника», – представлял собой высокого худощавого мужчину лет сорока (хотя, может, и больше, я плохо умею определять возраст человека старше себя). Одежда главного представляла собой халат до колен из ярко-оранжевой ткани, окантованной по подолу и воротнику рисунком, напоминающим чукотские мотивы. Халат был перепоясан алым поясом на японский манер, то есть почти до груди. На шее висел огромный золотой медальон с темно-красным камнем. Человек оглянулся вокруг, обстановка явно пришлась ему не по вкусу. Возраст второго посетителя определению не поддавался вообще, по причине его старости и бороды а-ля Гэндальф, с той лишь разницей, что он оказался жгучим брюнетом. Одежда тоже была под стать сказочному герою, правда, серого цвета. Главный что-то спросил у «послушника», тот, не поднимая головы, ответил. Следующий вопрос адресовался мне. Я покачал головой:

– Не понимаю.

Главный задал вопрос еще раз, но язык был явно другим. Я снова покачал головой. Ситуация начинала накаляться. Данная процедура повторилась раза четыре. Потом главный бросил какую-то фразу Гэндальфу, развернулся и быстрым шагом ушел. Гэндальф еле избежал столкновения, успев при этом слегка поклониться. Впрочем, старец тоже долго не задержался, дал какие-то распоряжения «послушнику» и показал спину. То есть? А я? Кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

В кабинете магистра находились трое. Верховные маги лекарского и ментального отделений сидели в креслах. Магистр медленно вышагивал напротив них:

– Подведем итог. При пересаживании души сыну купца.... Кстати, как его зовут?

– Рамос, – маг ментального факультета Ярул эль Варух сверлил взглядом дыру в полу.

– Не купца, отпрыска, – магистр замер.

– Норман.

– Норману, – продолжил магистр, одновременно возобновив ходьбу, – каким-то неведомым образом перешли воспоминания... Так?

– Да.

– То есть мы, вернее, вы, Ярул, при переносе души выдернули ее из живого человека?

– Ну, теоретически...

– Какая, к Некросу, теория? Это прямая некромантия! Да если об этом узнает хоть кто-нибудь... Нас, вернее, вас, Ярул, в лучшем случае четвертуют братья! Вы это понимаете?

– Да. – Менталист, казалось, сложился пополам, настолько низко опустилась его голова.

– А авторитет нашей академии, создаваемый столетиями, полетит в выгребную яму. Так?!

Маги обреченно молчали.

– Каковы идеи? Как мы будем выкарабкиваться из этого навоза? – Магистр вопросительно замолчал и остановился напротив кресел.

– Предлагаю не лить помой на площадь, – включился в разговор Алессон. – Думаю, в данном случае более целесообразно умолчать о возникшей... – маг на некоторое время задумался, подбирая выражение, – несурзанности. Сотрем парню память, и пусть

наслаждается жизнью. Был дураком – стал беспамятным.

– Не выйдет. Я об этом думал, – выдавил Ярул. – Мы потом круг, а может, и два, будем обучать его как маленького ребенка – есть, пить, ходить. Да он, собственно, и станет как новорожденный в умственном развитии – под себя делать будет. Даже если увеличим эликсирами скорость обучения, это займет не менее полукруга, и то сомнительно. Отдать же его отцу беспамятным... подобное вызовет кучу подозрений. К нам привезли – хоть что-то соображал, а заберут вообще беспомощного... Отец обратится к магу, и даже ученик сможет определить, что память удалена. Если же будем тянуть время с обучением, купец подождет десятину-две после того, как минут назначенные для лечения шесть десятин, и забегает по канцеляриям. Все-таки купец, опыт обращения с писцами у него есть, да и знакомства наверняка остались. Пусть он сейчас стеснен в средствах, но проверку организует запросто. К тому же мы обещали ему дать возможность видеть сына раз в десятину, а он не особо доверяет лекарям, уже шестнадцатый круг пытается вылечить сына, насмотрелся всякого. А если не разрешим видеться с отпрыском, возникнут дополнительные подозрения. Ну и в качестве последнего довода могу высказать сомнения в жизнеспособности пациента после полного стирания памяти – каким-то образом душа связана с воспоминаниями, а она и так в нем еле держится.

– Его жизнь – я думаю, это все присутствующие понимают – не то, о чем сейчас необходимо заботиться. Твои предложения? – Магистр прожег взглядом мага.

– Ну... Предлагаю в ближайшую десятину обучить его хотя бы азам языка, чтобы памяти потом было за что зацепиться. Далее блокируем его воспоминания, но не полностью, а так, чтобы он мог пользоваться при необходимости простыми навыками – ходить, пить. Ну а дальше увеличим его обучаемость эликсирами и закрепим элементарные знания, благо у сына купца других не было. А попутно убедим парня, что он Норман. Пригласим отца, пока больной не в состоянии говорить, это визуально закрепит его связь с семьей. Если даже и вспомнит что-то в дальнейшем, спишут на бывшее сумасшествие. Раз, два посмеются, а там сам начнет воспринимать все как бред.

– Почему сразу не блокировать память?

– Человек, который умеет говорить, учит новый язык, связывая изучаемые слова со словами родного языка, а младенец – с картинками, действиями. Поэтому выучить второй язык проще, чем первый. Хотя... можно и сразу блокировать, не нам же его потом учить.

Магистр обыгрывал предложение в голове, ища недостатки, но на настоящий момент не находил их.

«Обвинения в некромантии снимем, хотя бы на первое время. Сына купца вроде как излечили. Авторитет академии только вырастет. Опять же не придется возвращать купцу сорок тысяч золотых, сумма немаленькая и академии сейчас ой как нужна. Конечно, можно устроить смертельный исход, но опять же деньги и репутация. И так после экспериментов с ментальными ударами трупы телегами сжигают. Проклятый Ярул, надо же было позволить ему уговорить себя взяться лечить этого идиота!»

– Хорошо. Риск, конечно, есть, но... – Магистр выплыл из раздумий. – Ярул, обеспечь парню увеличение восприятия знаний. Надо быстро впихнуть в него наш язык. Поработай с ним лично, извлеки максимум из памяти. Интересно, кто он такой. Внуши через ментальный контакт, что он сын купца. Лишним не будет, если из-за блокировки памяти впоследствии выползет данная информация. Алессон, с тебя физическое здоровье и обучение языку. Не надо морщиться, в одном обозе идем. Никого лишнего не подключать – слишком

щепетильное дело. Слугу потом отошли подальше. Отца десятину-две к сыну не пускать, сошлетесь на сложность магических плетений ну или еще что-то придумаете.

Магистр на некоторое время замолк, прошло ударов тридцать сердца, прежде чем он продолжил:

– На этом сегодняшний импровизированный совет закончим.

Профессор Ярул эль Варух шел по коридорам академии в смешанных чувствах. Сам факт вызова к магистру был, конечно, неприятен, но, с другой стороны, вина полностью лежала на нем самом. Во-первых, отца данного сумасшедшего в академию привел именно он. Во-вторых, с отца он получил не большой, а просто огромный откат в десять тысяч золотых. В-третьих, он как верховный маг ментального факультета прекрасно понимал: исправление души невозможно. Душа – основа человека. От нее зависит все: ум, воля, внешность. Она – суть, и изменение души есть рождение нового человека. Предложение вылечить душу сына богатого купца изначально исходило от него и сразу носило характер аферы. Пациента нельзя излечить, так как сама душа исковеркана. Но ему попала книга с описанием ритуала исцеления путем слияния. Поскольку книга была написана до разделения магии на темную и светлую, то есть не была темной, удалось заинтересовать магистра, страдающего пристрастием к старым плетениям. Конечно, он как маг-менталист сразу предполагал уничтожение души больного и подселение донорской души, но говорить об этом магистру не стал, преподнес это как посадку души, уже ушедшей из жизни. При проведении ритуала душа раба, предназначенного для донорства, сорвалась быстрее, чем он успел ее захватить. В округе, как назло, не было ни одного умирающего. Вернее, были, но по каким-то причинам ни одна из свободных душ не пожелала захватываться. Поэтому для увеличения радиуса действия пришлось повысить поток силы в поисковом плетении. И когда казалось, что уже нет шансов, тело безумного умирало, одна душа откликнулась. Оставалось еще чуть-чуть качнуть силы, и все получилось. Потом целую ночь пришлось удерживать душу в теле – ни в какую не хотела приживаться. Кто же знал, что она окажется душой живого человека и перенесет вместе с собой память (что даже теоретически невозможно). Ну а когда все выплыло, таиться стало бесполезно. Ладно, хоть в тайную службу или, что еще хуже, в Светлое братство не сдали. Выход, предложенный магистру, был рационален. Единственное, чего не озвучил маг, это феномен изменения тела под душу. Любая душа подстраивала тело под себя, то есть через круг-полтора внешность купеческого сына начнет изменяться, и к этому времени во избежание лишних вопросов этот парень должен отправиться в царство мертвых. Как бы глупо это ни выглядело, но купец отдал все свое состояние за смерть сына, пусть и отложенную во времени.

«Твари, ну где же хоть кто-то?» – Меня уже несколько часов разрывала злоба из-за полной непонятности ситуации и бессилия что-либо для себя прояснить. К тому же начал напоминать о себе мочевой пузырь. «Послушник» ушел практически сразу после Гэндальфа и больше не появлялся. Когда я уже решил наплевать на комфорт и отлить под себя, в «келью» вернулся «послушник» в сопровождении Гэндальфа номер два. Нет, бороды у него не было, но стиль одежды полностью копировал предыдущего старца. Гэндальф-два встал перед кроватью и с явным любопытством начал меня разглядывать.

– Кто-нибудь объяснит, что происходит?! – Злоба, казалось бы утихшая, с новой силой всплыла из глубины сознания.

Гэндальф-два что-то заговорил довольно певучим голосом, одновременно показывая жестами, что мне необходимо успокоиться. «Послушник» в это время натягивал мне на голову медный обруч. Когда он справился со своей задачей, Гэндальф-два сел на стул и надел на себя аналогичное украшение. Некоторое время ничего не происходило. Я хотел было вскипеть, но тут в голове раздался голос и на абсолютно чистом русском произнес:

– Ты меня слышишь?

Я рефлексивно кивнул.

– Понимаешь?

Я вновь кивнул.

– Позволь представиться, меня зовут Ярул эль Варух. Я являюсь магом Академии жизни Исвари, ну и попутно на какое-то время твоим лекарем. Голос в твоей голове, – это мой голос, – усмехнулся маг, увидев, как я озираюсь по сторонам. – Ментальная связь позволяет общаться даже с тем, кто не умеет говорить. О том, как это происходит, мне кажется, тебе не интересно, а самое главное, не нужно знать. У тебя, я так понимаю, возникло множество вопросов, и я на них обязательно отвечу. Но сначала мне хотелось бы поинтересоваться, каково твое самочувствие? Думаю, это в твоих интересах.

– Да мне бы сначала в туалет. Ну и ноги-руки развязать тоже не помешает.

Маг на какое то время замолчал, разглядывая меня:

– Тогда, я думаю, мы встретимся немного позже. Сейчас Ерам тебя развяжет и поможет разобраться с твоими делами, затем тебя накормят, а спустя полторы части мы встретимся вновь. Не беспокойся из-за пут на твоих конечностях, это вынужденная мера. Во время магического лечения многие неосознанно начинают вырываться, что может принести вред как больному, так и лекарю. Больше тебя связывать не будут.

После этих слов маг встал, снял и положил на стул обруч, сказал «послушнику» пару слов и вышел из «кельи». В голове сразу же наступила оглушающая тишина.

Ерамом, как я понял, звали «послушника». Он довольно шустро расплел узлы на моих руках и ногах, при этом оставался предельно серьезным, а потом довольно непосредственно улыбнулся и помог мне встать. Ноги были ватными и плохо слушались. Ерам кивнул на стоящую в углу бадью. Мрак! Долбаные толкиенисты, они что, полностью скопировали средневековье?! Маги, какие-то имена с дебильными приставками! А если меня большая нужда припрет – тоже в это деревянное ведро? Хотя фокус с обручем, честно говоря, производил впечатление и заставлял смутно волноваться. Сделав свои дела, благо сделать их оказалось несложно, так как одет я был в подобие женской ночнушки длиной по колено, доковылял обратно до кровати и сел.

Ерам все это время крутился рядом, как бы страхуя меня от падения. В принципе, оценивая свое состояние, я понимал, что подстраховка совсем не лишняя. Парень что-то залепетал, но, видя мое непонимание, показал пантомиму «Ерам кушает». Я кивнул. «Послушника» как ветром сдуло. Не удивлюсь, если у него где-то моторчик вставлен. Минут через пятнадцать он вернулся с глиняным горшком и поставил его на стул. Пододвинул стул поближе ко мне. Достал из-за пазухи деревянную ложку и положил рядом с горшком. Только сейчас я понял, насколько голоден! В горшке находился чистый бульон. Видимо, твердую пищу мне пока есть нельзя – догадался я.

Привередничать не стал и накинулся на содержимое древней посуды. Хотя накинулся... это мне так показалось. Со стороны все смотрелось как в замедленной съемке. Ерам поглазел на меня минуты две, потом подхватил лоханку в углу и исчез. Вернулся как раз к

концу «застолья». Я сыто вздохнул. К организму явно подкрадывался сон.

Стоп, Сергей! Какой, к черту, сон? Надо хотя бы выяснить, где я! Я показал Ераму пальцем на обруч, оставшийся от мага, потом на его голову. Парень ошарашенно замотал головой. Так, у этого ничего узнать не получится. Явно чего-то боится, либо мага, либо обруча. Паренек изобразил процесс умывания. Я кивнул. Он снова испарился. Мыслим далее. Вроде меня не охраняют, дверь не закрывают, то есть не предполагают, что сбегу, не удерживают насильно. Хотя кто его знает, может, там за углом взвод солдат! Я медленно встал и доковылял до окна. Особо мне это ничего не дало, здание явно было многоярусным, а из зарешеченного окна виднелась лишь крыша нижнего яруса. Проковыляв к двери, толкнул ее – массивная деревянная конструкция с легким скрипом качнулась и сдвинулась с места. Длинный пустой коридор заворачивал за угол. Другая сторона коридора была не видна из-за двери, а выходить я побоялся, можно ведь и напугать кого-нибудь: в этом балахоне я явно похож на привидение.

Ерам вернулся довольно быстро, с тазом и ведром воды, похожими на уже знакомую мне деревянную бадью. Поставив таз на пол и вытащив из-за пояса ковш, показал: вставай в таз, буду поливать. Я помотал головой, переложил со стула на кровать обруч и указал на таз пальцем. Ерам хмыкнул, мол, как хочешь, и переставил таз на стул. Я наклонил голову над тазом, Ерам вылил ковш воды.

– Стой, изверг, она же холодная! – Я чуть не подпрыгнул.

Ерам сразу уменьшился в размерах. «Какой-то он запуганный!» – прокралась мысль. – Ладно, давай дальше», – жестами показал продолжать и снова наклонился над тазом. Повторный крик совпал с очередным ковшом воды. Теперь уже Ерам отпрыгнул от меня, а я замер, вглядываясь в свое отражение. На меня смотрел – не я.

Молча плюхнулся задом на кровать. Посидев немного, заглянул в таз еще раз: нет, точно не я. Молча осмотрел свои руки, приподняв ночнушку, глянул на ноги: как я раньше не заметил – это не мои ноги, не мои руки! Я повернулся к Ераму, тот сжался и застыл около дверей. Потом, видимо поняв, что к нему мое состояние не имеет никакого отношения, ткнул пальцем в таз, следом указал на дверь. Я кивнул.

Вернулся Ерам не один, наверное, слетал к руководству. Сначала в дверь вошел воин. Настоящий, средневековый, с мечом на поясе, в кожаной безрукавке, явно надетой не для понта и выполняющей функции бронежилета. Следом вошел Гэндальф-два, вернее Ярул эль. Не помню. За ними, пятясь задом по причине наличия крупнейшего стула в руках, кочевряжился Ерам. Впрочем, Ерам появился ненадолго и практически сразу же вспомнил о своей привычке быстро исчезать. Я молча взял обруч и протянул его магу. Он надел его и сел на стул. Я повторил действия Гэндальфа-два и напялил украшение на голову.

– Где я?

Маг ухмыльнулся:

– Обычно разговор начинают старшие. – В его голосе явно чувствовалось раздражение. – Если ты помнишь наш уговор, сначала вопросы задам я. Тем более что это не займет много времени. Но на первый твой вопрос отвечу. Ты находишься в лаборатории лекарского факультета Академии жизни.

– Почему в лаборатории?

– А ты, молодой человек, нетерпелив. Хорошо, отвечу и на этот твой вопрос. Вероятно, тебя смущает слово «лаборатория». Тут все просто, академия занимается обучением

студентов и новыми разработками в области лекарского дела, отдельных помещений для содержания больных у нас не предусмотрено. Тебя все лекари признали неизлечимым, но твой отец уговорил магистра нашего заведения, чтобы лечением занялись наши маги. Заметь, успешным лечением. Все остальное я расскажу после осмотра. А сейчас я бы посоветовал тебе успокоиться – во избежание возвращения болезни.

Осмотр действительно занял минут пять, причем три из них я просто лежал, глядя магу в глаза, после чего появилось головокружение. Две минуты я отвечал на вопросы, очень похожие на обычные медицинские: а не тошнит ли тебя? Покажи язык! А по-маленькому ходил без крови? Не чувствуешь ли слабости? Чувствуешь? А как это выражается?

По окончании экзекуции маг сел на стул:

– М-да... Интересно. Ну а теперь, молодой человек, я готов ответить на твои вопросы.

– Почему я не похож на себя?

Маг пристально рассматривал меня секунд пять.

– А вот это настораживает. Ты сам-то понял, что сказал? Что значит – не похож на себя?

Ты – это ты. А я – это я.

– Ну-у... – Мысли еще больше смешались. – Я выгляжу не так, как раньше. Это не я.

– Норман, ты меня пугаешь. Расскажи мне, как, по-твоему, ты выглядел раньше?

– Норман? – Где-то внутри заскребли кошки, смутная мысль начала оформляться:

«Я в чужом теле. И, похоже, время тоже не мое. Вариантов немного. Либо я каким-то образом переместился в данное тело, либо сошел с ума, начитавшись попаданческих романов. Правда, есть еще и третий вариант – я под кайфом, то есть под действием каких-либо лекарств. Если сейчас буду вести себя по первому варианту – запрут и разберут на запчасти, нахожусь-то я в научном учреждении неизвестного мира. Если по второму или третьему – то мне все это кажется, меня лечат, и самостоятельно я помочь себе не могу».

– Да, Норман, сын купца Рамоса Ровного, – подтвердил мои опасения маг.

В голове проявилась картинка – грузный мужчина лет сорока. Каким-то непостижимым образом я – знал!!! – что это – Рамос и что он – мой отец!

– Ты его разве не помнишь?

– Помню.

– Ну вот, уже лучше, – улыбнулся маг. – А я испугался, думал, лечение не помогло.

– От чего меня лечили?

– От слабоумия.

Мой взгляд, видимо, выразил больше, чем я мог сказать.

– Лечение, как вижу, прошло удачно, по крайней мере, мыслишь ты вполне связно. Для закрепления твоего состояния необходимо провести некоторые процедуры. Завтра к тебе придет маг лекарского факультета, Алессон эль Люмен, он продолжит твоё лечение. С ним же ты будешь заниматься изучением языка, поскольку в предыдущем состоянии ты, мягко говоря, не уделял этому времени. По крайней мере, мне показалось, что ты знаешь всего два слова, причем одно из них неприличное. Я был бы рад продолжить нашу увлекательную беседу, но, к сожалению, дела! Поэтому, если у тебя нет срочных вопросов, как во время прошлой нашей встречи, я покину твою обитель. Если что-то будет необходимо, обратишься к Ераму. Я вижу, вы ладите.

– А обручем Ерам может пользоваться?

– Каким обручем?

Я показал на свою голову. Маг засмеялся, при этом смех его эхом отразился в моей

голове.

– Нет, Ерам не может, по крайней мере, с тобой. Ментальный амулет, ну или, как ты называешь, «обруч» – всего лишь, скажем так, упрощает взаимодействие магических структур. Поэтому для его использования хотя бы один из говорящих должен быть магом.

Гэндальф-два снял амулет и улыбнулся, у меня в голове прозвучало:

– До встречи.

Вместе с магом вышел и его безмолвный охранник.

«Да он не то что не из нашей страны, он не из нашего мира! – Ярул нервно вышагивал по кабинету. – Сколько знаний! И ничего не вытащить, душа сразу вырывается, еле удержал. Каким-то непостижимым образом воспоминания переплетены с душой. Да за одно то, что этот тип – доказательство существования иного мира, его тайная служба так спрячет, что ни один поисковый амулет не найдет! Ну и меня заодно Светлое братство на костер отправит. Некрос! Надо было стереть ему память. Может, сейчас, пока не поздно... Навозный купец с его десятью тысячами! Сдаст страже, а то и в тайную канцелярию сообщит! – Маг плеснул в кубок вина. – Нет, все-таки изначальный вариант неплох, а спустя полкруга можно будет воспользоваться услугами ночных гильдий. Сейчас лучше ускорить время блокировки, не дай боги, кто-нибудь еще в его голове побывает. А как наивен! – Эль Варух улыбнулся. – Пара внушенных воспоминаний, и он уже колеблется в воспоминаниях о своем происхождении. При наличии большего времени хотя бы полкруга можно было бы обходиться без блокировки и так стал бы Норманом».

За вечер я загонял свой разум самыми различными теориями – от пересадки мозга до похищения инопланетянами, – но все они отменялись по тем или иным причинам. Основными оставались три. Первая – я попаданец, за нее говорило наличие воспоминаний о другом мире и некоторая странность при утренней встрече с главным и Гэндальфом. Главный тогда явно проверял меня на знание языков. То есть они догадываются, что я не из их мира, хотя не факт. Вторая – я сошел с ума в своем мире, данная теория ничем не подтверждалась, но и не опровергалась (кто его знает, что видят сумасшедшие!) Третья – я действительно бывший душевнобольной Норман, в пользу этого говорило воспоминание об отце, ну откуда бы оно иначе появилось...

Ужин, принесенный Ерамом, состоял из того же бульона, правда, с небольшим кусочком хлеба из незнакомого сорта муки. Уснул я довольно быстро, сказались переживания, общая слабость и истома, появившаяся из-за сытости.

Утро прояснения не принесло. Позавтракав стаканом молока и тем же непонятным хлебом, я попросил у Ерама таз с водой, так как объяснить ему жестами, что необходимо принести зеркало, мне не удалось. Не удивлюсь, если зеркал здесь нет. Внешность моя, мягко говоря, оказалась не ахти. Круглое лицо с выпученными глазами и явными признаками идиотизма настроения не добавило. Все попаданцы как попаданцы, если уж и попадают, то в тело атлета, а я вселился в желеобразную субстанцию с головой жабы. Попытавшись привести в порядок белобрысую шевелюру, остался недоволен результатом. Выпросил у Ерама штаны. Вместе с холщовыми штанами он припер мне белую рубаху из очень даже неплохого материала, зеленый пояс и глиняный свисток в форме птицы. Вопросительно ткнув пальцем в свисток, получил аналогичный тычок в собственную грудь. Так, вещи явно мои, просто были сданы на хранение. При попытке прогуляться наткнулся на яростное

сопротивление Ерама. И хотя окончательного вывода о своем происхождении так и не сделал, появилась первая цель – надо осмотреться, хотя бы выйти на улицу.

Алессон эль Люмен появился сразу после бульонного обеда. Им оказался тот самый Гэндальф-один, старик, как потом выяснилось, довольно приятный.

– Алессон эль Люмен, – представился он, не надевая амулета.

– Э-э, Норман.

Сквозь бороду проступила улыбка. Старик надел амулет, и в голове прозвучал бархатистый голос:

– Я знаю. Как самочувствие?

– Хорошо.

– Головокружения, обмороки?

– Нет, не было.

– Сейчас тебе необходимо принять кое-какие зелья, они увеличат твое восприятие извне.

– Как?

– Ты будешь быстрее запоминать то, что видишь и слышишь.

Из торбы, принесенной незаменимым Ерамом, маг выставил на прикроватный столик различные склянки. Столик, кстати, Ерам припер еще утром.

Последующие два дня я под руководством Алессона по два-три часа изучал язык Исварии – королевства, в котором оказался, ну или жил до этого, окончательно для себя я так и не решил. Новый язык впитывал как губка. Никогда не замечал за собой склонности к полиглотству, а тут как прорвало. Подозрения конечно же пали на склянки Алессона. Но каков эффект! Куда там методу Давыдовой. Через два дня я мог высказать Ераму практически все свои пожелания. Алессон же укреплял и мое здоровье при помощи не самых аппетитно пахнущих и приятно выглядящих жидкостей.

Один раз в медицинских целях меня выгулял по двору академии Ерам. Разумеется, по распоряжению мага. Академия представляла собой крепость с огромным средневековым замком внутри и кучей всевозможных построек. Почти все постройки были выполнены в замковом стиле, то есть из крупных каменных блоков. «Это ж сколько они труда вбухали, пока строили! Хотя магия... Может, они одним движением волшебной палочки умеют выращивать такие вот замки из земли!» Мне представился Алессон, «выращивающий» дворец.

Внешние стены крепости вверху завершали прямоугольные зубцы. По углам торчали две башни. Я предполагал, что и на других углах они стоят, но обзор закрывал замок. Между постройками бесконечно сновали студиясы. В том, что это именно студенты, я несколько не сомневался. Несмотря на древнюю одежду, от них словно пахло зубрежкой, беззаботностью и гулянками. На улице дышалось легко. Оказалось довольно прохладно, хотя снега не было. Не зря Ерам притащил мне теплый шерстяной плащ. Несмотря на холод, в воздухе прямо пахло весной. Свежий воздух пьяно дурманил голову.

– Норман!

Я не сразу сообразил, что кричат именно мне.

– Норман!

От кучки проходящих студенток отделилось создание в серой хламиде. Вблизи оно оказалось миниатюрной девчушкой лет четырнадцати, с черными локонами, огромными зелеными глазами и очень миленьким личиком.

– Норман, привет. А ты как здесь очутился? – скороговоркой заговорила девушка. – Ах да, тебя же на лечение привезли, дядя говорил.

Она запрыгала вокруг меня, как воробей.

– Нейла! – прокричал кто-то из кучки студенток.

– Сейчас!

– Нейла!

– Ну ладно, мне пора, увидимся, пучеглазик!

Девушка ловко подпрыгнула, чмокнула меня в щеку и упорхнула.

Я даже слова вставить не успел, стоял и ошарашенно хлопал глазами. Ерам потянул меня за рукав, выводя из ступора.

На третий день занятий появился Ярул эль Варух.

– Привет! – поздоровался я с магом на исварском.

– Я вижу, у тебя успехи, но более знатным людям принято говорить «здравствуйте», – беззлобно произнес маг, надев амулет. – Но тебе пока простительно.

Я хотел было указать ему на то, что он мне тоже тыкает, но вовремя прикусил язык: кто его знает, как у них тут по этикету маги общаются с людьми! Да и своего статуса в обществе я пока не знал, потом разберусь.

– Итак, молодой человек, – продолжил маг, – я вижу, что первый этап твоего лечения успешно завершен. Ты вполне связно мыслишь. Никаких отклонений от мышления обычного человека не замечено. Делаешь неплохие успехи в овладении языком. Для дальнейшего твоего выздоровления необходимо произвести осмотр и некоторые процедуры.

Зазвучавший в голове голос сквозил каким то холодом, а чувство самосохранения взревело сиреной: «Врет!»

– Может, не стоит, вроде и так все прекрасно!

– Для закрепления успеха просто необходимо провести кое-какой ритуал.

В моих глазах поплыли круги, появилась тошнота, я стал проваливаться в омут. Да чтоб тебя!..

Маг устало встал со стула: «Ну вот и закончили. Как же долго пришлось возиться, уже третья четверть ночи. Зато все получилось! Блокировка плотно завязана с душой, попробует кто-либо снять – и душа уйдет. Правда, пришлось для маскировки наложить плетение увеличения восприятия. Пусть это будет тебе мой подарок. Если кто-то и рассмотрит, то всегда можно будет объяснить необходимостью ускоренного обучения больного. Через круг плетение спадет без подпитки, а блокировка к тому времени настолько срастется с каналами мозга, что сам Некрос не сможет разорвать. Да и проживешь ли ты круг, иномирянин. Прощай. А как все-таки жаль, столько знаний!»

Глава 2

Норман

– Дядя Храм, дядя Храм, а почему тебя назвали в честь здания на площади?

– Это не меня в честь него, это его в честь меня назвали.

– Шути давай, – вклинился отец. – Завтра ляпнет кому-нибудь, будешь потом храмовникам объяснять, кто и в честь кого назван.

– Понимаешь, Норман, – осознал свою ошибку Храм, – мое имя из другого языка, и означает оно «отчаянный», а название здания на площади просто звучит так же.

Уже шесть десятин как я вернулся от лекарей академии. Дома оказалось значительно веселее. Хотя академию я плохо помнил. Запомнил только, что там все строгие.

Зато дома раздолье, все добры ко мне. Дядя Лекам, друг отца, который жил вместе с нами, конечно, заставлял учиться, но всего пару частей в день. Я уже много знал. Как говорить. Кто такие боги. Как считать. Что в мере – сто ударов сердца, в части – сто мер, в сутках – двадцать частей, а день и ночь можно еще делить на четверти. В сезоне десять десятин и два дня, а сезонов четыре, и из них состоит круг солнца. Город, рядом с которым находилась академия, назывался Еканул, а страна – Исвария или Исварское королевство, и еще много-много чего другого.

А в остальное время я помогал отцу в лавке или дяде Лекаму варить эликсиры, а то вообще пропадал в конюшне с Барсом. В Барса, белоснежного жеребца, я был влюблен. Таскал ему морковь, выпрошенную, а после того как стал получать отказы, и наглым образом стибренную у Арофьи, нашей кухарки, прачки и уборщицы по совместительству. Мне было в радость не только мыть коня, но даже убирать каждый вечер на конюшне. Данную почетную обязанность с радостью сложил с себя отец.

А сегодня вернулся дядя Храм! Он уезжал сопровождать купеческий обоз. И все бы ничего, но дядя Храм был орком! Настоящим орком с зелено-коричневой кожей и клыками. А орков я никогда не видел, а может, и видел, но не помнил. Отец сказал, что после болезни я могу чего-то не помнить. Мало того что дядя Храм был орком, он был орком в доспехе и с огромным мечом. И я крутился вокруг него вот уже больше части, задирая голову, чтобы рассмотреть клыки. Я и сам не маленького роста, почти четыре локтя (дядя Лекам измерял), но в дяде Храме, казалось, было все пять.

– Знаешь, Ровный, я начинаю скучать по тому времени, когда он молчал, – пророкотал орк, хмуро глядя на Нормана. – А может, мне его съесть?

У меня, видимо, расширились глаза, потому что дядя Лекам с отцом прыснули от смеха.

– Так, малец, я дарю тебе вот этот нож и сегодня тебя не вижу и не слышу. – Храм отцепил со своего пояса обоюдоострый кинжал в ножнах и протянул мне.

То, что для орка было ножом, мне больше подходило как меч. Я с усилием наполовину вынул нож из ножен и рванул за дом, потом приостановился:

– Спасибо, дядя Храм!

– Норман, с ножом со двора ни-ни. – Отец строго посмотрел на меня.

– Почему?

– Тебя только отпусти, зарежешь еще кого.

– Ну, пап.

– Нет, я сказал! Кто вчера устроил драку с базарными мальчишками?

– А чего они меня орочьим прихвостнем и придурком обзывали? А откуда ты про драку знаешь?

– Ты на лицо свое посмотри, под глазами сине.

– Ла-а-дно.

Над двором повисло молчание, казалось, даже птицы не щебетали.

– Ты как хочешь, Рамос, а я буду учить парня, как постоять за себя. И не спорь. Знаю, что не по нраву тебе это, но мужик должен уметь биться, хоть на кулаках, хоть на мечях. – У Храма пропал игривый настрой. – Тем более что в солдаты его все равно не возьмут, так что не беспокойся.

– Да понимаю я все, но и Салка с Борком не забываю. Учи, что поделаешь. Препятствовать не буду.

– Смышленный паренек растет. – Лекам со вздохом поднялся с бревна, которое использовал в качестве скамьи последние мер десять. – Я ему на той десятине умножение взялся объяснять, так он мне про степени и корни рассказал так, будто всю жизнь только и делал, что расчеты производил. Откуда знает ...

– В академии, видимо, учили, он же рассказывал.

– Быстро развивается. Когда ты его привез, он умом круга на три тянул, сейчас уже на все семь.

– Академские предупредили, что плетение на голову накинута. Первое время, сказали, будет быстро обучаться, но постепенно плетение развеется. Через круг, может, чуть меньше совсем исчезнет.

– Свожу я его к Горнальду завтра, он маг хоть и старый, но еще ничего. Пусть посмотрит, не доверяю я этим академским. Хоть и вылечили парня, а проверить надо.

– Твой Горнальд говорил, что Норман неизлечим. Академские – вылечили. А теперь ты к нему проверять пойдешь. Не вздумай даже! Мне до навозной кучи, что они там делали, хоть Некросу молились, но парня подняли. К старости радость-то какая! – Рамос грузно направился к дому.

– Это к какой старости? – ожил Храм. – Тебе всего шестьдесят, еще полста кругов мечом махать можно. Вон Сарентию, соседу, сто сорок исполнилось, а он к своей служанке приглядывается.

– Вот именно что приглядывается, а я хочу в этом возрасте еще и топтать.

Компания дружно засмеялась.

Утром меня поднял Храм:

– Ну! Вставай, воин, пойдём дух закалять! Вчера ты за мной бегал, сегодня от меня бегать будешь.

Через полчасти бега вокруг дома я был, что называется, в мыле, следующие полчасти орк меня растягивал. Я даже не предполагал, что могу быть настолько гибким, а соседи не думали, что я так умею орать. Спасла Арофья:

– Заканчивай парня калечить, только вылечили! Пойдемте завтракать.

Умывшись по-оркски, то есть поливая себя из бочки (в моем случае – поливали меня) холодной водой, только что набранной из колодца, пошли в столовую. Отец с Лекамом

потихоньку посмеивались, когда я трясущимися руками пытался донести ложку с супом до рта.

После завтрака отец ушел в лавку, а Храм – узнавать, не нужна ли охрана в обозы. Мной же занялся Лекам. Поскольку математика во всех ее проявлениях, от арифметики до геометрии, давалась мне легко, вернее, все получалось само собой, занимались мы большей частью написанием и исторической географией, ну или географической историей, так как эти предметы были тесно переплетены. Корябать грифелем мне ужасно не нравилось, и поэтому из данных предметов я больше предпочитал историю. Дядя Лекам умел рассказывать:

– И вот сорок кругов назад, когда я был чуть старше тебя, в Старкской империи разделились взгляды на темную магию.

– А рядом с нами – Старкское королевство?

– Ну да. Империя распалась. До этого мы дойдем. Итак, были сторонники применения темной магии и сторонники ее запрета.

– А чем отличается темная магия от светлой?

– Темная магия основана на использовании крови, душ и мертвых тел, часто на жертвоприношениях, а светлая – на накоплении чистой силы, ну или, как еще говорят, маны.

– То есть темные маги убивали людей?

– Не всегда, но были и такие. Тех, кто использует в той или иной мере человеческое тело или душу, называют некромантами, а животных – просто темными.

– А сейчас темные маги есть?

– Будешь перебивать, не узнаешь. Итак, на чем я остановился? Были сторонники применения темной магии и сторонники запрета. Круга два в императорском дворце не утихали споры, в итоге на одном из советов приняли решение запретить темную магию. Возможно, этому поспособствовала смерть одного из родственников императора от неизвестных причин, возможно, что-то другое, но сейчас уже ничего не изменишь.

– Ну и правильно, что спорить, нечего людей убивать.

– Тут ты ошибаешься, не все так просто. Скажем, живет какая-нибудь старушка в деревне, дали ей боги чуть-чуть магической силы, на простейшее плетение едва хватает, а в деревне мор скота. Вот старушка и режет корову, а на основе ее крови делает снадобья для других коров. Для этого сил много не надо, часть силы берется из крови. В основном в темные шли довольно слабые маги, хотя встречались и очень сильные, которые хотели еще большей силы. То есть не все темные действовали во вред людям.

– А еще что они делали?

– Не перебивай! Продолжим. Храмовниками совместно с Императорской тайной службой было создано Светлое братство, которое принялось уничтожать темных магов по всей империи. Просто темных четвертовали, некромантов сжигали. Понятно, темным это не понравилось. Один из них, граф Элезиус, объединил часть темных и дал серьезный отпор Светлому братству. Светлое братство обратилось к императору, тот выделил войска. Так шаг за шагом дошло до того, что разразилась Темная война. Длилась она более восьми кругов. И втянулись в нее все народы империи: и люди, и орки, и гномы, и эльфы.

– А у нас в городе эльфы есть?

– Есть, но ты их вряд ли увидишь.

– Почему?

– Они во дворце живут, послы Леса. Не перебивай! В общем, насколько бы сильными ни

были темные маги, их здорово потрепали. Поняв, что без хитрости не выиграть, темные начали стягивать основные силы к императорскому дворцу. Причем стягивали так, чтобы никто не догадался. Обычно один-два некроманта поднимали сотню мертвых где-нибудь на окраине, войска светлых бросали туда, а в это время несколькими небольшими обозами, дабы не привлекать внимания, темные с применением чар скрытности продвигались к дворцу. И в один не очень прекрасный день они, собрав достаточно сил, попытались прорваться и убить императора. Причем прорывались не только снаружи, но и изнутри, открыв императорский портал.

– А что такое портал?

– Это такие ворота, сквозь которые можно проехать через тысячи верст за три удара сердца.

– Если бы у нас был портал, мы могли бы со двора попасть куда угодно?

– Нет, сам портал – это довольно сложный амулет. В империи их всего пятнадцать, и совершить переход можно только между ними. Но без центрального портала, находящегося в императорском дворце, передвижения невозможны, а дворец сейчас на Темных землях. Об этом сейчас расскажу. Поэтому со двора попасть куда угодно не получится. Продолжим дальше.

Так как во дворце было довольно много светлых магов, прорыв захлебнулся, тогда темные осадили дворец. Ближайшие армейские полки добирались до дворца три дня, и все три дня велась ожесточенная битва. Мертвые и живые резали, кололи и жгли друг друга. Нельзя было шагу шагнуть, чтобы не наступить на чьи-либо останки. Измененные темной магией звери рвали светлых. Лошади под воздействием магов кидались на людей. Когда подошла армия, темные не сдались, так как понимали, что их все равно казнят. Больше сотни темных магов провели ритуал самопожертвования. И на месте дворца вспыхнул огонь такой силы, что камни плавилась. И пошла мгла от этой вспышки. Кто бы ни попал в этот туман, умирал и тут же вставал мертвым. На много дней пути все вокруг замка вымерло и вновь ожило. Но постепенно туман рассеивался и с каждым днем пути ослабевал. В ослабленном тумане все живое также умирало, но уже не оживало. А потом туман рассеялся. Так образовались в центре империи Темные земли. Они до сих пор существуют. Поскольку император, его семья и большая часть армии в тот день погибли, началась смута и война за оставшиеся земли – между людьми, эльфами, орками и гномами. И вот сейчас на месте империи существуют три человеческих государства, орочьи земли, леса эльфов, а также горные хребты гномов. Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Закрой рот, пчела попадет.

– Получается, темные боролись за свою жизнь?

– Хороший вопрос. И я даже рад, что ты сам до него додумался.

– А что сейчас в Темных землях?

– Завтра расскажу.

– Ну, дядя Лекам.

– Сказал, завтра! Сейчас пойдем косметический эликсир готовить. Отец еще вчера просил.

– А я могу стать магом?

– Нет.

– Почему?

– Магами не становятся, дар либо есть с рождения, либо нет. У тебя нет.

Чувство от урока осталось двоякое. Вродебы скверное явление – некроманты, но мои симпатии были частично на их стороне.

Следующие три десятины каждое утро для меня начиналось одинаково. В течение части времени я пребывал в царстве Некроса. Храм взялся за мое обучение всерьез. Приговаривая: «Я сделаю из тебя орка!» – он гонял меня вокруг дома. Правда, уставал я уже не так сильно, по крайней мере, ложка в руках не тряслась. Сразу после занятий Храм натирал меня дурнопахнущей зеленой мазью, изготовленной по рецептам предков, боль от растяжения снимало как рукой. Но основным свойством мази, по словам Храма, было закрепление растянутых связок и сухожилий. Днем для меня наступало время силовых упражнений. «Будущий орк» отжимался, подтягивался, поднимал и кидал бревна, специально приготовленные Храмом, затем прыгал через эти же бревна, опять отжимался. Причем с каждым днем время занятий увеличивалось. Когда уставал, наступало время уроков Лекама. Со временем мне стали нравиться даже занятия по написанию, лишь бы не к Храму! Но если только орк видел, что я свободен... Надо ли говорить, что вечером я падал в кровать и засыпал как убитый. Спустя три десятины я почти садился на шпагат, мог бегать не хуже лошади (по крайней мере, мне так казалось) и поднимал бревно всего лишь в три раза меньшее, чем обычно поднимал Храм.

– Так. Сейчас моешься, – Храм возвышался надо мной, глядя на мои потуги отжаться с поставленным на спину мешком песка, – потом бежишь на базар, покупаешь Арофье овощи. Она скажет, какие, а то ты потаскал своему Барсу всю морковь. Заодно получишь от нее награду по заслугам. Потом уберешь конюшню. А вечером будем учиться биться.

Я даже упал грудью на бревно, от которого отжимался.

– На мечях?

– Ага, на луках. Ты сначала научись сражаться без оружия.

– Блин!

– А при чем тут блин?

– Не знаю. Так, вырвалось.

Выбежав из калитки нашего двора, я рванул в сторону базара. Плечо немного пощипывало – не смог увернуться от мокрой тряпки Арофьи, лишь чуть-чуть недотягивающей ростом и силой до Храма. На базар я буквально влетел и сразу постарался затеряться среди стоящих довольно хаотично деревянных лотков. Базарные беспризорники не жаловали меня. Особо бояться, конечно, было нечего. Я на голову выше самого крепкого из них и в плечах пошире раза в полтора. Но когда они успевали собраться в стаю, мне могло прилично достаться. В прошлый раз пришлось под их улюлюканье спастись бегством. Пролавировав между лотками, я добрался до овощного ряда, где у знакомой тетки купил то, что заказывала Арофья в то самое время, когда медленно подбиралась ко мне для подлого удара тряпкой.

Выбравшись с базара, вздохнул с облегчением – обошлось без происшествий. Наклонившись немного в бок (Арофья, видимо, специально заказала столько, чтобы мне жизнь медом не казалась), поплелся в сторону дома. По дороге сделал небольшой крюк, заглянув к отцу в лавку. Лавка стояла в квартале знатных, на довольно бойком месте. Насколько я знал, нам она не принадлежала, отец взял ее в аренду. В квартале знати все дома строились из камня, не как в купеческом – деревянные. Некоторые из домов походили на

дворцы с каменными скульптурами и изящными балконами, нависающими над булыжной улицей. Забежав к отцу, похвастался успехами у Лекама и орка, а также тем, что Храм обещал вечером учить меня биться. При этом отец слегка помрачнел. Он похвалил меня за то, что помогаю Арофье (я не стал рассказывать об истинных причинах похода на базар), потрепал меня по изрядно опавшей благодаря стараниям Храма щеке и проводил теплым взглядом до дверей.

У квартальных ворот я поглазел на кавалькаду всадников. Привлекло внимание животное, на котором ехал первый всадник. Это была раз в сто увеличенная кошка с огромными клыками и пушистым хвостом. Уздечки на ней не имелось, но всадник в голубом плаще каким-то неведомым образом управлял ею. Ростом кошка была почти с лошадь, но явно пошире. Я уже хотел идти дальше, когда услышал окрик:

– Норман?!

Из конца кавалькады на рослом жеребце в сверкающей сбруе (наш Барс все равно выше!) ко мне повернул Ярул эль Варух.

– Да, ваше магичество. – Я опустил голову и поздоровался, как учили в академии.

Насколько я помнил, данное приветствие практиковалось только в стенах академии, но, поскольку не знал, как поздороваться по-другому, использовал это.

– Ладно, ладно, ты не студент и мы не в академии. Не называй меня так. Подними-ка голову, я на тебя посмотрю, – произнес он, одновременно с легкостью выпрыгивая из седла. – Я гляжу, ты похудел, возмужал, а всего прошло-то... – бархатным голосом выговорил он, вертя мою голову за подбородок.

Вдруг взгляд его изменился и вместо слегка усталого и пронизательного превратился во взгляд хищной птицы. Маг отодвинулся от меня на пару шагов и осмотрел всего, более тщательно остановившись на области груди. Его рот слегка скривился. Но прошел миг, и передо мной вновь стоял добродушный и уверенный в себе человек.

– Ну, как твое здоровье?

– Хорошо, э-э...

– Зови меня господин эль Варух, – понял он причину заминки.

– Хорошо, господин эль Варух.

– Голова не болит?

– Нет, господин эль Варух.

– Ничего необычного не ощущаешь?

– Нет, господин эль Варух.

– Скажи своему отцу, чтобы он привез тебя в академию... Хотя нет, не надо.

Маг, не прощаясь, мгновенно взлетел в седло и взял с места в галоп. Я простоял удара три сердца, ошарив от неожиданного окончания разговора, после чего тоже ускорился, насколько это можно было сделать с корзиной овощей, в сторону дома.

Глава 3

Воин

«Искра! Как? Откуда? Откуда у него могла взяться искра, пусть слабая, но искра? В академии ее точно не было, я же сам осматривал! – Эль Варух гнал жеребца по улицам – И что теперь? Да любой маг увидит и задастся вопросом: откуда? Потом начнут выяснять, что происходило необычного. А может, его не проверяли в детстве, он ведь был идиотом. Да как не проверяли, его с рождения по лекарям и магам таскали. Некрос, что делать? Остается один вариант...»

Храм ждал меня. Заставил снять рубаху и размяться. Размялся сам, остановился напротив:

– Нападай.

Я встал в стойку и начал медленно подходить. У орка расширились глаза:

– Тебя что, кто-то уже учил?

– Нет.

– Откуда знаешь стойку?

– Не знаю. Какую стойку? – И тут я попытался нанести удар левой.

Орк с грацией, достойной танцовщицы, отклонился от удара и толчком с подсечкой отправил меня на песок.

– Ну ты сейчас стоял в стойке.

– Не знаю, как-то само собой получилось.

– Что-то у тебя часто само собой получается, – вклинился в наш разговор Лекам, хорошо знавший мой коронный ответ на занятиях математикой.

Я вновь пошел в атаку, закончившуюся, впрочем, аналогично предыдущей. Попытке на шестой уклонился от контрнападения Храма и, захватив его, попытался бросить через бедро. Но, во-первых, весовые категории были разные, а во-вторых, он ловко перенес точку опоры и захватил меня за шею.

– Ну, совсем даже неплохо... с таким врожденным талантом обучение пойдет быстро. – Орк сдавливал мою шею все сильнее, пока я не захрипел:

– Все, сдаюсь.

С десятину Храм учил меня стойкам, захватам, основным ударам. Я впитывал все как губка. На занятиях с Лекамом у меня тоже наметились значительные успехи. Я практически моментально запоминал то, что он рассказывал, и почти слово в слово повторял на следующий день. Лекам как-то поинтересовался материалом, пройденным пять дней назад, результат был аналогичным.

Через десятину к силовым, на выносливость, на растяжку, борцовским – добавились занятия на мечях. К сожалению, удивить Храма талантами в этом искусстве мне не удалось. Деревянный меч я держал, по словам орка, «как Арофья скалку». Но тем не менее основные стойки, переходы и даже пару ударов я выполнял уже как «беременный гоблин», что должно было считаться похвалой.

Частенько посмотреть на наши занятия приходил Лекам. Он с задумчивым видом

созерцал мои падения и прыжки в сторону от очередного удара деревянным мечом. Лекам, в отличие от орка, хотя бы не комментировал мои неудачи. Однажды он, как обычно, стоял у края площадки, где орк делал из меня бойца, и вдруг попросил:

– Храм, можно мне погонять мальчика?

Храм молча отошел в сторону. Лекам встал напротив меня и расслабился.

– Нападай.

Я довольно уверенно пошел в бой. Лекам после орка не казался опасным противником. Но он неуловимо уходил от всех моих ударов, даже не поднимая рук. А потом вдруг присел, одновременно закрутившись вокруг себя, и выбросил ногу в мою сторону. Со стороны мой полет не смотрелся комичным, но приземление частично на голову не добавляло хорошего настроения.

– Еще, – проговорил Лекам.

На этот раз я даже не смог попробовать нанести удар. Сев на пятую точку, держался за грудь и хватал воздух ртом. После того как отдышался, снова услышал:

– Еще.

Где-то после семи падений, каждому из которых предшествовал явно не учебный удар, за меня заступился Храм:

– Лекам, ты бы поаккуратней.

– Так надо. Еще.

После очередного падения я вдруг заметил: Лекам стал чуть-чуть медленнее наносить удары. Он снова присел и исчез из поля зрения. Я подпрыгнул. От нижнего удара кулаком, последовавшего сразу, ушел корпусом и нанес ответный удар. Лекам уже почти успел отойти на безопасное расстояние, но только почти. Немного, но мои костяшки все же коснулись его груди. Он остановил рукой поединок, как-то странно посмотрел на меня. Затем молча развернулся и ушел. Храм задумчиво глядел ему вслед.

– На сегодня хватит.

– Я не знал, что Лекам умеет так биться. Дядя Храм, расскажи.

– Не Лекам, а дядя Лекам. Захочет, сам расскажет. Пойдем, смажем твои синяки.

Вечером пришел отец. Мы сели ужинать. Лекам с отцом, как обычно, обсуждали дела лавки, которые, как я понимал из разговоров, шли ни шатко ни валко. Храм во время еды принципиально не разговаривал. Про дневную историю на поле (так Храм называл наше импровизированное ристалище на заднем дворе) ни орк, ни Лекам не проронили ни слова. Я тоже промолчал, посчитав рассказ ябедничеством. Хотя где-то в глубине души было обидно: за что он меня так? Под конец ужина, уже наевшись и не зная, чем себя занять – уходить, пока кто-нибудь из старших не встанет, было не принято, – я спросил у отца:

– Отец, а зачем вон те мечи висят на стене, они же старые и потрепанные. Вот твой, в спальне, гораздо лучше выглядит!

В столовой повисло молчание.

– Это мечи твоих братьев. Тот, что слева, – Салка, справа – Борка. – Отец медленно выдавливал из себя слова.

– А где они?

– Погибли.

– На войне?

– Да.

Вновь повисло тягостное молчание, отцу явно была неприятна эта тема.

– Лекам, а у тебя ведь Нейла должна на каникулы приехать? – разрядил обстановку

Храм.

– Да, в начале следующей десятины. Поеду за учебу платить и привезу ее. Рамос, я возьму Барса? – Лекам просто расцвел.

– Конечно, чего спрашиваешь.

Разговор вернулся в прежнее русло, а вскоре и вовсе все разошлись спать. Я поднялся к себе на второй этаж и лег на кровать. Сон ни в какую не шел. Нейла. Что-то очень приятное щекотало в душе, а вот вспомнить не мог. Как не мог понять, что меня взволновало. В третьей четверти ночи с первого этажа послышался довольно странный металлический звон. Я встал, натянул сапоги и выглянул в коридор. Ничего не понимая, сбегал с лестницы и попал в темноту столовой. Ближе к входу на кухню сверкала сталь. Две темных тени теснили к двери третью.

– Харра! – рычал знакомый голос.

«Да это же дядю Храма рубят!» – мысли лихорадочно заметались. Я сдернул со стены ближайший меч, выхватил его из ножен и, прижавшись к стенке, начал подходить к нападавшим со спины. Замер. Убивать людей мне не приходилось, и даже в этой сумятице я не мог решиться. В итоге догадался резануть по ноге. Подрубив под колено ближайшего, обратным ударом рубанул следом по спине, знал – удар не смертельный. Но незнакомец в момент второго удара начал заваливаться на поврежденную ногу, одновременно поворачиваясь ко мне. Меч с чваканьем вошел в горло. Через два удара сердца противник Храма тоже был на полу, через три – зажегся магический светильник под потолком, осветив картину битвы.

В столовой за нашими спинами стояли с оголенными мечами ошарашенные Лекам и отец. Меня начало потряхивать. Храм шагнул ко мне, взял за голову одной рукой и прижал к груди:

– Тише, тише, уже все кончилось.

По щеке, прижатой к груди орка, потекло что-то липкое и горячее. Кровь.

– Дядя Храм ранен!

Все сразу оживились, усадили воина на скамью. Лекам побежал за мазью, отец начал протирать водой раны.

– Ерунда, неглубокие, жить будешь. А где Арофья? Арофья!

– Не надо, не зови. – Орк посмотрел в глаза отцу.

За стражей ходил отец. Лекам в это время перевязывал Храма. Вместе со стражей пришел сыскарь из тайной службы.

– О, Храм! Сколько кругов не скатывались вместе! – Он хохотнул своей шутке.

– Да лучше бы нас в разные стороны раскатывало.

Сыскарь снова хохотнул:

– Привет, что ли! Раньше мы с тобой, почитай, каждую десятину виделись. Сколько харчевен и трактиров ты разнес! У-у-у!!!

– Ну привет, Лысик.

Сыскарь и вправду был абсолютно лысым. Форменный камзол выпирал пузырем на животе.

– Давно меня так не называли. Эх. – Он вздохнул, видимо вспоминая о чем-то. – О, и

Ровный с Огоньком, да у вас, как обычно, всякомпания в сборе, – воскликнул он, увидев входящих отца и Лекама.

– И тебе, Лысик, не хворать. – Отец хмуро посмотрел на него.

– Так, что тут у вас? Ага...

Сыскарь прошел на кухню. Вернулся через пару мер, тщательно осмотрел трупы нападавших.

– Я так понимаю, сначала прирезали женщину, а потом попытались прикончить тебя, на чем и обломали зубы.

– Да. По-видимому, Арофья зачем-то встала ночью и наткнулась на них. Успела только вскрикнуть. Я проснулся, сон у меня на это дело чуткий. Вышел. Ну ты меня знаешь, без меча я никуда.

– Помню, помню.

– Ну а дальше дело мастерства. А там и Лекам с Ровным на музыку сбежались.

– А вас, молодой человек, как зовут? – Инспектор повернулся ко мне.

– Норман его зовут, это мой сын. – Отец сел на стул. – Спал он, когда все произошло, на втором этаже плохая слышимость.

– А второй меч чего в крови?

– Так во время боя пришлось со стены сдернуть, сподручнее с двумя-то. – Храм поморщился от боли.

– Понятно.

По виду сыскаря не было ясно, поверил он или нет. Мужчина пристально посмотрел на меня. Отвернулся. Видимо, воином я в его глазах не выглядел.

– Непростые ребята к вам зашли, из ночной гильдии.

– Да мы по одежде видим.

– Да нет. Не видите вы то, что я вижу. Черные маски на лице – это полбеды. Элитные бойцы. Последний раз я их кругов десять назад в таком виде застал. А вот с их работой постоянно сталкиваюсь. Правда, не в вашем квартале, все больше у знати. Я вот на бочонок пива могу поспорить, что в шее, справа, у них вживлены накопители силы и плетение увеличения реакции на мозг накинута. Ну, вскрыем, посмотрим. Так что повезло тебе в очередной раз, Храм.

– Тем и живем.

– В течение завтрашнего дня жду вас у себя в управе, объяснения напишете. Хотя что я вам рассказываю, сами все знаете. Как идти – не забыли?

– Найдем. Мальца можно не брать с собой?

– Этот малец скоро тебя перерастет, Храм. Можете не брать.

Инспектор пошел к выходу. Трупы стража уже вынесла, на выходе он обернулся:

– И еще... Серьезно вы кому-то хвост подпалили в этот раз. Элитные просто так не сдадутся, они заказ взяли, для них это дело чести. Хотя думаю, десятины три до нового визита у вас есть, пока следующие бойцы до города доберутся.

– А эти что, не местные?

– Больше не могу рассказать. Но чувствую, не в последний раз я в вашем доме. – Инспектор закрыл дверь.

– Ну что, я думаю, спать никто не пойдет, небо вон уже алеет, – прервал молчание Лекам. – Давайте прибираться и завтракать, а потом поговорим.

Уборкой занимались отец с Лекамом, меня и Храма отправили в комнату к орку. Храма – по причине ранения, а меня – как сиделку ну и чтобы под ногами не мешался.

– Поздравляю.

– С чем, дядя Храм?

– Э-э, нет, какой я тебе теперь дядя? Во-первых, у тебя на счету первый враг. Кстати, держи!

Он достал из-за кровати меч в черных ножнах:

– Твой трофей.

– Дядя Храм, это как?

– У него два было, я попросил Лекама один снять и спрятать, пока стража не прибежала.

– И что, инспектор не заметил?

– Да все он заметил, и вид твой бледный, и традиции знает.

Я разглядывал меч, наполовину вынутый из ножен.

– Так вот, когда орк убивает своего первого врага, он становится воином вне зависимости от того, сколько ему кругов. А воин война не может называть «дядя». Во-вторых, сегодня ты бился со мной в одной битве, то есть по орочьим законам ты мне теперь как родственник. По-вашему, по-людски, это что-то типа побратима – в одной крови искупались. В-третьих, ты мне спас жизнь, я твой должник. Поэтому с сегодняшнего дня для тебя я просто Храм.

– Но я ведь нечаянно... Я не хотел убивать.

– Судьбу плетут духи. Что произошло – не вернешь. А кто и что думал, когда все происходило, для духов не имеет значения.

Через часть времени все собрались на кухне. Лекам готовил яичницу, остальные хмуро сидели. Тяжелое настроение усугублял жар печи.

– Ровный, у тебя где-то гномья настойка была? – пророкотал Храм. – Надо бы дорогу Арофьи к духам умыть.

Отец молча достал из кухонного стола бутылку. Лекам поставил на стол сковородку и четыре кружки, отец хмуро покосился на него.

– Ничего, Рамос, сегодня можно всем, да и кругов Норману уже шестнадцать, в его годы ты не только вино и настойку пил.

Молча выпили. У меня во рту словно дракон огонь пустил, дыханье перехватило. Лекам тут же сунул мне кусок мяса, я со скоростью суслика разжевал и проглотил его. Несколько раз глубоко вдохнул. Первым начал хохотать Храм, потом подхватили и отец с Лекамом.

– Молодец, Норман, – сквозь слезы и смех произнес Лекам. – Правда, пьешь ты хуже, чем машешь мечом.

Я криво улыбнулся, раздался новый взрыв смеха, напряжение ночи постепенно отступало.

– Ладно, давайте завтракать, и в управу. Потом надо сестру Арофьи найти, – остановил веселье отец, – рассказать ей, как все было. Лекам, возьми с собой двадцать золотых, на похороны. Появятся потом деньги, еще завезем.

В тайную службу старшие уехали без меня. Поскольку я был предоставлен сам себе, занялся волновавшим меня больше всего в данное время вопросом: осмотром моего трофея.

Клинок оказался обоюдоострым, длиной чуть меньше двух локтей, гарда прямая, без

всяких изысков, рукоять плотно обтянута шершавой кожей, навершие укутано в ткань. Вынув меч из ножен, осмотрел лезвие. Заточка – хоть брейся. Я прижал рукоять к щеке, проверяя лезвие на кривизну, показалось, что по нему пробежала вязь узора. Еще раз тщательно осмотрел металл, потер краем покрывала с кровати. Показалось. Обычное ровное лезвие, разве чуть темнее, чем клинки Храма или отца. Я сделал пару вращений мечом, первый мах был довольно тяжелым, во время второго я понял, что меч прекрасно сбалансирован. Первоначально показавшийся тяжеловатым, он был идеальным для меня по весу. Ножны оказались простыми, без украшений, обтянуты черной кожей тонкой выделки. Я покрутил меч еще немного, сделал пару выпадов на воображаемого противника и стал стягивать ткань с навершия. Прежний владелец явно завернул его, чтобы не сверкало ночью. Я даже не представлял, насколько я прав. В центре серебряного навершия был вставлен темно-красный камень приличных размеров, окутанный серебряными же нитями, но самое главное – он светился. Не ярко, как магический светильник, мягко, но светился. Я еще раз крутанул клинок – камень мерцал. Наигравшись вволю мечом, пошел на кухню готовить обед, хотя очень не хотелось находиться на месте ночного происшествия, казалась, что вот-вот из-за угла выскочит еще один воин, но признаваться старшим в страхе – еще хуже. Мудрить с обедом не стал, нажарил картошки с салом, заварил смесь трав и, бухнув приличное количество меда в кружку, сел на крыльце, наслаждаясь ярким солнцем теплого сезона.

В управе в основном опрашивали Храма, поскольку Рамос и Лекам толком рассказать ничего не могли. Сухощавый старичок (смена Лысика уже закончилась) три четверти части задавал всевозможные, большей частью казавшиеся тупыми, вопросы. Основная масса вопросов витала вокруг недоброжелателей, которые могли бы оплатить заказ, но, поскольку все трое только пожимали плечами, разговор потихоньку зашел в тупик. Под конец старичок сказал, что претензий к ним не имеет, поскольку нападавшие явно были убийцами.

Выйдя из управы, решили разделиться. Храм пошел к Лысику домой – прояснить с глазу на глаз личности нападавших. Лекам с той же целью решил обойти нескольких старых знакомых. А Рамос на двуколке, стоявшей около управы, поехал искать сестру Арофьи, правда, перед этим пришлось убрать с дороги «подарки», которые оставил Барс, медленно дожевывавший овес из торбы. Встретиться договорились в ближайшем к дому трактире «Купеческий обоз».

Лекам с Храмом подошли к трактиру почти одновременно, внутри было пусто, лишь за дальним столиком, потягивая пиво, сидел Рамос.

– Ну что, как? – бухнувшись рядом на скамью, прорычал Храм.

– Хуже нет – приносить такие вести. Слезы. Истерика. Сказали, пришлют мальчишку сообщить, когда похороны. А у вас? Что-нибудь узнали?

– Эй, пышногрудая! Принеси еще два пива. Лысик уперся, ничего не говорит. Талдычит, что повторно обязательно придут. В общем, без толку.

– А у тебя, Лекам?

– Воины действительно серьезные.

– Ну это я, еще когда сталь звенела, понял.

– Храм.

– Ладно, молчу.

– Ну так вот, вернее всего это, как они себя называют, Орден сов, но полной гарантии

нет. Где их «голова», никто не знает, но их там тщательно учат практически с пеленок. Находят беспризорников, покупают детей-рабов и дрессируют их, напичкивают магией, как самих, так и оружие. Если эти парни и попадаются живыми, то ненадолго, мозг превращается в кашу. Работают только ночью. Берут очень дорого, от тысячи золотых и выше. Исполнители кучкуются в больших городах, по два-три человека. Перед нападением тщательно узнают все о жертве. Случаев, чтобы жертва выжила, еще не было. Они будут присылать отряды, даже если заказчик снимет заказ или умрет. Дело чести. Найти можно только человека, который принимает заказ. Обычно это кто-то из ночной гильдии, но толку от него никакого, так как он передает информацию и деньги, относя в условное место – дупло в лесу или что-то в этом роде.

– Да, попали. – Храм с хлюпаньем отпил из кружки. – А ведь они за Норманом приходили.

– Объясни. – Рамос насторожился.

– Ну, ночью я их застал уже на лестнице, это мы потом переместились к кухне. А на втором этаже больше никто не спит. Раз они тщательно все узнают, то...

– Норман! – Рамос и Лекам вскрикнули одновременно.

Перевернув несколько стульев, побежали к выходу. Храм по дороге бросил серебряный трактирщику:

– Сдачу – пышногрудой!

Двуколка подскакивала на бульжниках, зубы всей троицы клацали, но, к счастью, ехать было недалеко. Влетев во двор, увидели блаженно лежащего на крыльце Нормана. Рамос схватил его за плечо:

– Сынок...

Норман открыл глаза:

– Отец. Вы уже приехали? А меня что-то разморило.

– Уф, напугал. – Лекам опустился на крыльцо рядом.

Размеренное течение жизни в нашем доме закончилось. Меня больше никуда одного не отпускали. Ладно хоть удалось отстоять право жить в своей комнате, отец хотел переселить к себе. На ночь к дверям и окнам прислоняли какие-нибудь предметы. Как объяснил Храм, чтобы брякнули, когда открывать будут. Что осталось неизменным, так это мои тренировки. Хотя нет, они стали значительно интенсивней. На похороны Арофьи нас не позвали, по видимому, винили в ее смерти. К моей радости, теперь все и всегда ходили с мечами. Отец подогнал под меня один из своих поясов, и я гордо вышагивал по двору, придерживая рукой клинок. Это безумно веселило старших. Мой меч осматривали всей компанией. Вердикт вынесли такой: очень дорогая вещь, сталь явно гномья, в ручку вставлен камень, как оказалось, неспроста, это магический артефакт. Точно узнали, что он не позволяет мечу тупиться (били по лезвию топора), подгоняет свой вес под руку владельца (для каждого из нас вес меча оказался идеальным), укрепляет (проверить я не дал, Храм хотел попробовать на изгиб), ну и что-то еще. Лекам оценил стоимость меча приблизительно в пятьсот золотых (хотя, может, и больше), наш дом стоил ненамного дороже. Такие камни, как оказалось, иногда нужно подзаряжать у магов, но мой был заряжен. Тренироваться с моим мечом Храм мне не разрешил:

– В битве хорошо, конечно, что меч весит столько, сколько удобно тебе, но на тренировке надо развивать кисти, – сказал он, подливая в мой полый деревянный меч еще

немного свинца.

Через два дня Лекам поехал за своей племянницей, правда, все эти два дня ходил в раздумьях, стоит ли везти ее домой в такое тревожное время? Сомнения развеял Храм:

– Ты представляешь, что она тебе устроит, если ты оставишь ее на каникулы в академии? Я за твою жизнь в этом случае не ручаюсь. Да и каникулы – всего десятинка, время у нас есть.

Глава 4

Нейла

– Хра-а-а-а-м! – Визжащий клубок серой материи запрыгнул чуть ли не на голову орку. – Храмочка, как я по тебе соскучилась! Вырасту – обязательно пойду за тебя замуж!

– А вдруг я тебя не возьму?

– Да куда ты денешься?

– Ну разве что третьей женой.

– Фу, какой. – Нейла отстранилась от орка.

– Господин эн Ровен. – Резко изменив поведение, скромно присела она в книксене перед подходящим отцом.

– Да я тебе... – Отец взялся за стоящую рядом метлу.

Нейла прыгнула ему на шею и чмокнула в щеку – он обнял ее и закружил.

– Та-а-ак! – Девушка обошла вокруг меня.

Я стоял по пояс голый, с деревянным мечом, только что отработывали «защиту беременного гоблина».

– А это кто у нас? – Она ткнула в мой бицепс пальцем.

Надо сказать, что к этому времени стараниями Храма я приобрел некоторую форму, избавился от «рюкзака спереди» и подкачал все, что можно.

– Раньше, значит, бежал ко мне, кричал: «Нанья, нанья!», а теперь стоит как истукан и даже не обнимет, такой... Мм... – покосилась она на мой деревянный меч. – Рыцарь.

И вдруг подпрыгнула, чмокнула меня в нос, потом прижалась щекой к моей груди и журчащим голосом проговорила:

– Как я скучала-а-а, лупоглазик, ты бы знал. Я рада, что ты выздоровел.

Отстранилась от меня, сдула упавший на лоб локон и, глядя в глаза, сказала:

– А ты уже не такой лупоглазый, дядя Храм, у тебя появился конкурент!

Сердце готово было выпрыгнуть: Нейла! Нейла! Я вспомнил ее!

– Ладно тебе парня смущать, – пробасил Храм. – Гляди, он уже как помидор, пойдем в дом, отпразднуем твои каникулы.

Я быстро умылся и побежал в комнату переодеваться. Орк молча ухмыльнулся.

Переодевшись и расчесавшись, посетовав, что позволяю себя стричь орку, а не хожу в цирюльню, спустился в столовую.

– ...и тут я запустила в него «светляка», а он бултых в лужу, думал, боевым заклинанием в него... – взхлеб звенел голосок.

Я сел на свое место. Лекам налил в кружки вина, явно обделив Нейлу – плеснул для вида.

– Ну, дя-а-адь.

– Ага, сейчас я еще за настойкой схожу и добавлю.

– Вот так. Ждешь встречи, радуешься родным, а тебе как воробью, в мисочку водички плеснут. Тогда уж краюшку принеси, я покрошу себе, – с недовольством заворчала Нейла.

– Да плесни ты ей чуть больше, – заступился орк. – Пятнадцать кругов уже девке.

– Фу-у, дядя Храм. Я не девка. Я принцесса, просто меня прячут... ну, на худой конец, графиня.

Лекам под общий хохот плеснул ей еще чуть-чуть. Практически весь ужин, кроме Нейлы, никто не мог вставить ни слова.

«Нейла!» Вечером я сладко заснул в собственной кровати, три кружки вина сделали свое коварное дело.

День начался, как всегда, с пробежки.

– Дядя Храм! – раздалось из окна второго этажа, – а пусть он, когда бегаешь, еще и подпрыгивает, так веселее будет!

– Да я вот думаю, один ученик – это скучно, у меня раньше еще ученица была.

Черные локоны мгновенно исчезли из окна.

На завтрак Нейла вышла с опозданием, после того как ее раза три позвал Лекам, и мы, плюнув на ожидание, начали есть. Девушка была одета в ситцевое платье зеленого цвета, гармонирующее с ее глазами и выгодно подчеркивающее стройную фигурку. Вырез платья чуть-чуть приоткрывал ложбинку только начавшей наливать грудь. Черные волосы были собраны в хвост, но некоторые пряди выпали, я так понимаю, сделала она это нарочно.

– Ложку до рта донеси, – прошептал мне Храм, но, поскольку шептать он умел как утренний петух, слышали все, в том числе Нейла. Лицо вспыхнуло.

– А ты повзрослела, Нейла. Из неказистого ребенка расцветаешь в розу.

– Compliments дамам, эн Ровен, никогда не были вашим коньком. Из вашей речи я сделала вывод, что до сего дня вы считали меня неказистой? Поможет даме кто-нибудь сесть? – Нейла застыла в аристократической позе.

– А я вот сейчас ремень сниму, – включился в разговор Лекам, – и одна «дама» месяц не то что сесть, лечь на спину не сможет. По-моему, Ровный, из колючек не вырастают цветы.

– Я предполагала, дядя, что вы должны заботиться обо мне, а вы поставили меня в неловкое положение перед обществом.

Лекам привстал, Нейла вылетела из столовой со скоростью стрелы.

– Что-то мне расхотелось завтракать, – раздался с улицы смеющийся голос.

– Вот заноза. – Лекам сел на место. – Не повезет мужику, которому она достанется.

Вымыв посуду (моя очередь), наколов дров для обеденной готовки, вычистив конюшню и задав Барсу сена, побежал за дом. На ристалище меня уже ждал Храм. Тренировка, мягко говоря, не удалась. Я пропустил с десятков элементарных ударов орка, косясь, на то и дело мелькавшую в поле зрения Нейлу. Поняв, что толку от меня не будет, Храм вздохнул:

– На сегодня закончим, вечером тоже можешь отдохнуть, но завтра отработаешь. И еще, – крикнул он мне вслед, – воин не должен отвлекаться во время битвы, это может стоить жизни.

Оказавшись свободным, я вдруг понял, что стесняюсь подойти к Нейле, особенно вспоминая про ее колючий язычок. Помаявшись мер десять, пошел готовить обед. Так как очень хотелось хоть чем-нибудь привлечь внимание объекта моего вождения, решил поджарить мясо на огне. Замариновав в разбавленном вине куски мяса с луком, разжег уличную плиту, снял с нее решетку и сел на чурку, выстругивать вертелы для насадки.

– Что это ты делаешь? – раздался из-за спины знакомый голосок.

– Мясо жарить собираюсь.

– А палочки зачем? – Она разглядывала одну из них, вертя в руках.

– Вместо вертела.

– Оригинальничко. Перегорит же.

– Да не должно.

– Хм. – Нейла положила вертел обратно и присела на соседнюю чурку.

– А тебе еще долго учиться? – Я очень хотел продолжить разговор, но тему подобрать никак не мог.

– Еще три круга.

– А потом ты станешь магом?

– Не-э-эт, – засмеялась она. – Чтобы стать магом, нужно потом еще кругов пять отработать где-нибудь, пока искра разовьется.

– Это как?

– Ну, лекари лечат, боевики в армию идут, артефакторы и зельники трудятся в мастерских и лабораториях. А после этого еще нужно пройти посвящение в академии, показать, что искра увеличилась.

– А что такое искра?

– Ну это вот здесь, – погладила она себя в районе солнечного сплетения, – скопление силы у магов. Искра у одаренных с рождения очень маленькая и не соединена с силой самого человека. Где-то кругов в пять она прорастает, как бы тянет лучик к человеку. Когда срастается с магом, одаренный становится инициированным, бывает, правда, если искра долго не прорастает, маги помогают ей подсоединиться к человеку. Обычно искра очень слаба, но, если постоянно пользоваться силой, она увеличивается.

– И что, у каждого человека есть сила?

– Да, только у обычного человека она очень маленькая, ее потоки в магическом зрении настолько тонкие, что видны, как туман. А у магов каналы постепенно увеличиваются, так как через них постоянно идет сила, да и сама искра становится больше. Чем больше каналы, тем больше потоки, тем большими объемами силы одновременно может пользоваться маг. А чем больше искра, тем больше силы накапливается.

– А у тебя большая искра?

– Нет, я только кружку воды вскипятить могу, а сильные маги бадью кипятят, не напрягаясь.

– А зачем?

– Ну, во-первых, для тренировки, чем больше нагружаешь искру, тем быстрее развиваются каналы и она сама. А во-вторых, так и проходит посвящение, смог вскипятить ведро – маг, нет – остаешься просто одаренным.

– А бывает, что кто-то не может стать магом?

– Большинство не становятся, только один из пятидесяти проходит посвящение и получает ленту мага. Кстати, маг – это титул, равнозначный барону, правда, безземельному, и приставка в имени не «эн», а «эль», но многие говорят, что это выше.

– А зачем тогда учиться?

– Для знаний. Ну и одаренный, это тоже неплохо. К тому же никто не знает, насколько увеличится твоя искра в будущем.

– А правда, что маги живут по пятьсот кругов?

Я начал выкладывать мои импровизированные вертела с мясом на угли.

– Ну, говорят, были такие. Обычно маги доживают до трехсот кругов, одаренные – до двухсот, все опять же зависит от искры, ее размера. Когда она соединяется с человеком, начинает поддерживать его, поэтому маги почти не болеют, живут дольше, у них реакция лучше.

– А что, обычному человеку нельзя как-нибудь передать силу?

– Делают специальные амулеты, которые вместо искры постоянно подпитывают силой, магически расширяют каналы человека для подпитки. Но это очень дорого. И сам процесс расширения, и подпитка амулета. Егерям на границе даже вживляют подобные амулеты и накидывают плетение увеличения реакции, но это опасно: если вовремя не подзарядить, амулет начинает высасывать силу человека и тот умирает.

Мне сразу вспомнились ночные гости.

– Еще бывает, – Нейла увлеклась рассказом, – дают специальные эликсиры с содержанием силы, но они действуют только день-два и стоят тоже прилично. Ну или плетение накидывают и силы в него подкачивают, тут уже от сложности плетения зависит, если это полное омоложение, то через день плетение развеется, а если какое-нибудь узконаправленное, скажем, для улучшения зрения, то может и год продержаться. Я, собственно, и учусь этому.

Нейла втянула в себя аромат мяса.

– А пахнет вкусно. Тебе ведь тоже плетение улучшения памяти накинута после лечения, оно постепенно развеется. Через круг, если не подкачать силы, от него ничего не останется. А что тебе делали, когда лечили?

– Не помню.

Я понял, что Нейла не завтракала, и протянул ей вертел с готовым мясом.

– Жаль. Тебя ведь Алессон и эль Варух лечили, наверное, интересно, они очень опытные маги и лечат только в сложных случаях, а обычно старшекурсников заставляют.

Нейла на некоторое время замолчала, пережевывая мясо, и при этом отклонила от себя вертел, так как с него капал жир.

– Вкусно. Только когда дядя Храм узнает, что ты вино в мясо лил – достанется тебе на тренировке.

– А почему ты отца эн Ровеном назвала?

– Как-то слышала, его дядя так назвал, а он рассердился, ну я сразу и запомнила, а почему назвал – дядя не рассказывает.

– Ну и что, так и будем, как крысы в норе, существовать? – Храм натирал свой меч, сидя на крыльце.

– Даже не знаю, – Лекам облокотился на перила, – есть какие-то предложения?

– Найти и прирезать.

– В твоём духе, – включился в разговор Рамос. – У нас последнее время дела идут не очень: Лекаму эликсиры не из чего делать, поставок нет, торговля замерла. Купцы ждут войны, боятся в старкскую сторону ехать, да и к Темным землям тоже. И там, и там неспокойно.

– Да, у меня тоже все заказчики перестали снаряжать обозы, – вздохнул орк. – А сейчас, даже если появится работа, куда я поеду?

– Ты это, Ровный, к чему? – Лекам отвлекся от созерцания ползущего по перилам муравья.

– Может, самим обоз организовать? Сейчас нам везде безопасней, чем здесь.

Лекам с Храмом задумались, Рамос продолжил:

– Съездим к старкским границам, купим лошадей, наберем круп, там же и охрану возьмем. Потом к Темным землям, крупы сдадим, купим товаров у охотников. Раз туда обозы

не идут, сдадут за бесценок. А здесь потом и лошадей продадим дороже, и эликсиры будет из чего делать. Заодно, может, поутихнет все.

– Ну поутихнет вряд ли. – Храм отложил меч. – Я так понял, ребята к нам лезут настырные. А вообще, мне идея нравится, я Нормана по дороге поднатаскаю, да и засиделись уже, особенно вы.

– Согласен, работаем сейчас в минус, если бы не королевский пансион, вообще есть нечего было бы. Денег немного имеется, но на товар не наскребем, к ростовщикам придется идти, – оживился Лекам.

– К ростовщикам не пойдем, три шкуры сдерут. На лошадей и крупы хватит, а там к гномам вильнем, часть круп продадим и возьмем у них в банке кредит. Думаю, Кейрон не откажет и процент не заломит.

– Да-а! Давно я с Кейроном настойки не пил.

– Кто о чем, а Храм о настойке, – ухмыльнулся Лекам. – Все-таки купеческая у тебя жилка, не воинская, Ровный. Хорошая идея.

– Пойдем на ристалище, я тебе покажу жилку. – Рамос улыбнулся. – Вот после каникул Нейлы и поедем.

– Кстати, где она, опять шкодит? Пойду найду.

– Да, да. За дом зайди, там Норман мясо готовит, думаю, не ошибешься. Ох, чувствует мое сердце, не быть нам друзьями.

– В смысле?

– Родственниками станем.

Рамос и Храм захохотали.

– Та-а-ак, – прервал нашу идиллию Лекам. – Запах на всю улицу, аж слюни текут. А тех, кто не завтракает и грубит старшим, вообще кормить не положено.

– А я не грубила, а отстаивала свою точку зрения.

– В следующий раз ремнем одну точку отхожу, и будешь потом только отстаивать, отсиживать не сможешь.

– Фи, дядя!

Я протянул Лекаму вертел.

– А нам? – вышли из-за угла отец с Храмом.

– Тебе, Храм, надо сразу две порции, одну не почувствуешь. – Я улыбнулся.

Под общий смех (не засмеялся только орк) протянул один вертел отцу и два Храму.

– Мм, вкусно. Не пробовал раньше, откуда рецепт? – Храм поочередно снимал клыками мясо с вертелов.

– Семейная тайна, – подмигнул я отцу. – Разгласить не могу, особенно тебе.

– Я тоже один рецепт знаю, – парировал орк, – берешь одного говорливого полуорка и насаживаешь его на вертел меча. Слушай, вас на одну часть времени оставили с Нейлой, а ты уже заразился от нее ехидством! Чем занимались?

Теперь уже хохотали все, кроме Лекама.

Обед так и прошел в шутках. После обеда Нейла с Лекамом отправились по лавкам, так как «юной леди необходимо менять гардероб хотя бы раз в полкруга». Пока их не было, я места себе не находил. Храм, видя мое безделье, все-таки выполнил обещание с «рецептом». Я сделал себе заметку поосторожнее шутить с орком. По возвращении Нейла устроила

демонстрацию обнов в столовой, но, когда через десять мер все поняли, что показ нарядов может затянуться до утра, потому как «вы еще не представляете, как эта юбочка будет смотреться с той голубой блузочкой», из зрителей остался я один:

– Нет, мне кажется, не очень, разве что добавить на блузку что-нибудь одного цвета с юбкой.

– Хм. Пожалуй, ты прав. Знаешь, Норман, от тебя после выздоровления весьма двойное впечатление. С одной стороны – я тебя помню с детства, с того самого времени, как дядя меня забрал от родителей, с другой – ты уже не тот лупоглазик, которого я знала. Да и глаза у тебя стали другими. Так вот, вроде бы родной, и в то же время, ты только не обижайся, какой-то чужой, что ли. С тобой приходится заново знакомиться. Вон советы даешь дельные, ты, наверное, первый мужчина, которого я знаю, разбирающийся в нарядах.

– А почему ты живешь с дядей?

– Он меня в детстве учил магии. В академию берут только подготовленных детей. А готовят за хорошие деньги. Ну или в пять кругов забирают в академскую школу, а потом отрабатывать приходится, в основном там дети крестьян, им после школы еще и академию оплачивать, в общем, кругам к ста свободными становятся, если, конечно, их совсем не выкупили у родителей. Вот меня дядя, чтобы я потом не зависела от академии, и забрал на учебу.

– А как он тебя магии учил?

– Ну, на первых порах, говорят, сложно шло. Я-то толком не помню, мне пять кругов было. Дядя сам потоки силы уже не видел, а я не понимала, как концентрироваться. Только на седьмой круг смогла рассмотреть. Говорят, дядя на радостях напился.

– То есть раньше он силу видел?

– Ну да, он же маг.

Видимо, Нейла прочитала вопрос в моем взгляде.

– Он был магом, пока не перегорел. Я сейчас.

В следующий раз она вышла в сногшибательном платье до пят с глубоким декольте.

– Очень красиво, чуть-чуть недотягивает до бального.

– Много ты понимаешь, оно и есть бальное, просто подъюбники нужны, и шнуроваться сзади мне неудобно.

– Помочь?

– Обойдешься.

– То есть твой дядя знатный.

Нейла кивнула.

– Но что значит – перегорел?

– А ты хитрец, обманываешь юную неопытную девушку.

– Это как?

– Ну прикрываешься интересом к моим нарядам, а сам информацию добываешь.

– Да у меня даже в мыслях такого не было.

– Ладно, поверю.

– И все-таки.

– Значит, выпытываешь!

– Нейла!

– Ладно, ладно. Мой дядя был магом. Причем Храм говорит, что одним из лучших боевиков. Во время Темной войны у них произошла какая то заварушка, в которую они

попали вместе с твоим отцом и Храмом. И дядя спас целый отряд, но при этом каналы от искры перегорели, и саму искру искорежило, теперь никто не может выправить. Вообще, это очень редкое явление, чтобы маг после перегорания остался живым, но дяде повезло.

– То есть Храм и мой отец тоже были на войне с темными?

– У-у-у, да ты сам темный!

– Почему это – темный?

– Потому что темных академий не существует, то есть все темные – самоучки, неучи, как и ты. Конечно, воевали. Еще раз спросишь меня о чем-либо, не касающемся моей красоты, убью заклятием некроманта.

Дальнейшую часть вечера пришлось притворяться знатоком женской моды и, как оказалось, с соответствующей моделью я на это очень даже способен. Прервали нас старшие, которые пришли доедать «мясо по-нормански», благо нажарил я его с излишком.

Приготовившись спать, закрыл комнату и лег в постель. Через двадцать мер кто-то заскребся в дверь.

– Кто?

– Тише ты. Я, Нейла. Открывай.

Я открыл дверь, и ко мне проскользнуло очаровательное привидение в белой ночнушке. Сердце бешено заколотилось. Нейла по-хозяйски забралась на мою кровать и подвесила на потолок маленького «светляка». В комнате воцарился полумрак. Пока глаза привыкали к свету, Нейла села, накрылась моим одеялом до груди и похлопала ладошкой рядом с собой, приглашая присоединиться:

– Только тише говори, услышат – разгонят.

Я сел рядом с ней.

– Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Ты лупоглазиком не прикидывайся, что у вас происходит?

– Ничего не происходит.

– Я, значит, ему все рассказываю, а он меня обмануть решил. Ходите все с мечами, дальше вытянутой руки оружие не кладете. Храм, дядя и твой отец всю ночь по очереди дежурят.

– А ты откуда знаешь?

– Прошлой ночью слышала, как меняются. Двери и окна на ночь закрываете. Прямо как на осадном положении. Храм весь в свежих шрамах, интересуюсь, откуда – отшучивается. Дядю с твоим отцом даже спрашивать не стала. Что происходит?

– Ну-у... – Я задумался, вроде никто не запрещал рассказывать Нейле, но в то же время, раз не рассказывают, значит так надо.

– Будешь темнить, вообще с тобой разговаривать перестану.

Чувствовалось, что она не шутит.

– Ну, слушай, – поддался я на шантаж.

После моего рассказа, в котором я скромно умолчал о своей роли, Нейла мер пять молчала.

– Арофью жалко. Дядя, конечно, говорил, что она умерла, но как – отмолчался. Одного ты убил?

– Как ты догадалась?

– Ну, во-первых, от твоего меча магией за версту несет. Так как мечи с накопителями дорогие, вряд ли ты его купил. А во-вторых, к Храму без «дядя» обращаешься, явно чем-то заслужил.

– Да. Одного я прикончил, второго – Храм.

– Ну и правильно. За Арофью отомстил.

Нейла посидела, задумавшись, еще меру, потом в ее глазах сверкнула хитринка:

– А покажи меч.

Я потянулся за мечом, который лежал за девушкой под одеялом, нечаянно прикоснулся к ее груди плечом. Она отстранилась назад, и на удар сердца мне стал виден в разрезе ночнушки холмик ее груди с розовым кружком сверху. Если честно, я и так в общении с Нейлой был напряжен, а после этого дыхание перехватило и снизу полыхнуло огнем. С трудом взял себя в руки, достал меч и протянул его. У Нейлы сверкнули глаза:

– Дурачок. – Она накинула край одеяла мне на колени.

Правда, от этого стало только хуже, кровь теперь уже прихлынула к лицу, но я надеялся, что в полумраке это незаметно.

Нейла вынула меч из ножен, неумело махнула им пару раз.

– А ничего, я думала, он тяжелее.

– Мы считаем, что магия подгоняет его вес под каждого, у кого он в руках.

– Хм. Возможно.

Она быстро развернула наверх, оголив камень.

– Ух ты! Эльфийский накопитель!

– Откуда ты знаешь?

Нейла взглянула на меня с укором.

– Чтобы получился накопитель, камень необходимо поместить в какой-либо металл, но при этом металл не должен касаться камня. Чем ближе камень к металлу, тем сильнее накопитель и больше маны поместится. Люди, гномы, орки, все используют разные методы, я встречала даже накопители, завернутые в ткань, и только эльфы делают вокруг камня тончайшую, не различимую глазом пленку. Говорят, они вываривают камень в соке какого-то дерева, но точно никто не знает, так как они это держат в секрете. Поэтому эльфийские накопители самые сильные, мне за пять раз не наполнить. А у моего дяди тоже такой меч есть. Он его прячет, только камень в нем поменьше.

– А ты откуда знаешь?

– Он меня каждый раз просит накопитель наполнить. А у твоего отца еще скипетр темного мага спрятан, правда, он без камней, но, возможно, даже некромантский.

– Чем отличается мана от силы?

– Да ничем, в академии говорят, если сила в спокойном состоянии, как в накопителе твоего меча, то это мана, а если двигается – то сила, но обычно силой называют и то, и другое.

– А ты видишь сейчас потоки силы в мече?

– Конечно. Вот здесь, – она провела пальцем по лезвию, – плетение укрепления, а вот здесь – снижение веса, а вот это – для того, чтобы он сам направлялся при защите, а вот это – чтобы все девушки в радиусе версты влюблялись, а вот это...

– Нейла! – Я понял, что меня попросту разводят.

– Ладно, ладно, – засмеялась она. – Мне для того, чтобы видеть силу, сконцентрироваться надо. Только опытные маги вот так просто видят силу. Сейчас, подожди.

Я, правда, знаю только лечебные плетения, ну и бытовых немного, поэтому различить, какие плетения наложены на меч, вряд ли смогу.

Она мер пять посидела, глядя на стену, потом с отсутствующим взглядом стала осматривать лезвие меча.

– Ух ты! Какие глубокие каналы. А сколько силы, он прямо светится. – Девушка перевела взгляд на меня. – И твое плетение на голове аж сверкает.

Нейла вдруг замерла, глядя мне на грудь, через несколько ударов сердца взгляд ее стал осмысленным.

– Ладно, мне пора. – Она протянула меч.

Я, конечно, был удивлен резкой сменой настроения, но проводил ее до двери.

– Ну ладно, до завтра. – Нейла выскользнула в дверь, и тут же раздался вскрик: – Ой!

Я резко открыл дверь и автоматически дернул ее за руку в комнату, уроки орка давали о себе знать. В том месте, где она только что стояла, сверкнул меч. Я встал в стойку напротив проема, приготовившись встретить врага. В дверях появился брат-близнец предыдущих ночных гостей. Он молча бросился на меня, я парировал два его удара, но тут ему в шею прилетел метательный нож, а второй спустя удар воткнулся в плечо. Недолго думая нанес колющий удар в грудь, клинок вошел всего на два пальца, видимо, под одеждой была кольчуга. Едва успев увернуться от удара убийцы, заметил еще два метательных ножа, пролетевших как молнии. Тело «гостя» обмякло.

– Стареешь, Ровный. Ладно, ножи еще метать можешь, – Храм стоял напротив отца.

– Сам не понимаю, как я его проморгал.

– А что тут не понимать. – Лекам стянул с пальца ночного гостя перстень. – Думаю, это не простая вещица: либо рассеивает внимание окружающих, либо глушит звуки, чтобы точнее сказать, артефактор нужен.

– Если в первый раз были сомнения, что гости приходили к тебе, Норман, то теперь сомнений нет. – Храм посмотрел на меня. – Кому-то ты очень сильно мешаешь. Вспоминай.

– Да я только с вами общаюсь, не базарные же их прислали!

– Уж точно не они.

– Что-то мне плохо. Дядя, проводи меня. – Нейла сидела рядом с моим отцом.

– Пойдем в мою комнату, там спать ляжешь.

Нейла с Лекамом ушли.

– Что делать будем, Ровный? Опять стражу вызывать? – Орк присел за стол и глотнул из кружки вина.

– Я думаю, не стоит. Толку от них никакого, а ночь испортят, и завтра придется к ним тащиться. Сейчас Барса запрежем и увезем гостя в квартал к беднякам.

– Вот это по-нашему. И трофеи наши. Пойду запрягать?

– Там трофеев-то, – вернулся Лекам, – меч да кольцо. Ты погоди... Норман, посиди с Нейлой, она еще не отошла.

– Слушай, Ровный, – продолжил Лекам, убедившись, что Норман вышел. – Нейла у твоего сына искру рассмотрела.

Повисло молчание.

– Какую искру?

– Магическую, говорит, плетение на голове уже приросло к ней, а к каналам организма

еще не тянется.

– Ошибиться не могла?

– Знаешь, я тут заметил, Норман после лечения развивался быстро, потом интенсивность стала падать, так и положено, плетение постепенно развеивается из-за недостатка силы. Но десятины две назад у него вдруг снова проявились способности ко всему, спроси у Храма.

– Да, он уже по мечу приближается к среднему воину.

– Вот и я говорю. Три десятины назад он был по уму кругов на десять, сейчас с Нейлой свободно общается. Я тут ему еще проверку организовал, вышел против него в кулачный.

– И что?

– Его реакция дотянула почти до моего уровня, как у егеря, но у них накопители вживлены, а у него нет. Я думал, ты его втайне еще раз к магам возил, плетение обновлял, не стал тебе ничего говорить. А тут видишь как, природный накопитель проснулся. Да и против ночного гостя он сегодня выстоял несколько ударов, а тот ведь тоже наверняка магически накачан. Нейлу опять же спас, сам говоришь, моментально выдернул из-под удара.

– Но искра не может появиться у неодаренного. – Рамос тоже отпил вина.

– А вот и причина появления ночных гостей. Маги из академии, по-видимому, смогли развить искру, а теперь пытаются скрыть это.

– На них похоже. опыты ставят, твари, да я их...

– Ага, прям так пойд и скажи, мол, сын вдруг стал одаренным. Там его и оставишь на всю жизнь.

– Какая разница, они и так знают.

– Я думаю, знает какая-то часть магов, все не знают, иначе давно бы уже приехали и забрали.

– И что предлагаешь?

– Твоя идея с обозом хороша, только нам совсем уезжать надо. Продать дом и уезжать. Сразу не найдут, а там видно будет. Если уж Нейла искру увидела, то любой стоящий маг на улице в два счета разглядит. Можно, конечно, одного Нормана куда-нибудь отправить, но ты же не согласишься, ну а куда ты, туда и мы.

– Одного, понятно не оставлю, на него охота идет. Ладно, подумать надо, так быстро не решим, пойдёмте, гостя увезем. Да, и Норману пока не сообщайте про его способности.

– А придется, Нейла говорит, искра его плетение силой накачивает. Уже до такой степени накачала, что скоро мозг выгорит, надо плетение от искры отделить, и чем быстрее, тем лучше, а там и искра к организму потянется.

– Нейла сможет?

– Постарается, все равно его другим магам показывать нельзя.

– Опасно?

– Отделить – нет, а вот плетение снять она не сможет, придется ждать, пока само развеется, но оно и к лучшему, ему сейчас столько знаний по магии надо, что придется впихивать, а без искры плетение не опасно.

– Когда это надо делать?

– Сейчас.

– Мы с Храмом нужны?

– А вы сможете чем-то помочь? – ухмыльнулся Лекам.

– Ладно, Храм, пойдём Барса запрягать, ты здесь останешься, на всякий случай, а я один

справлюсь. Да и приметный ты очень, в городе орков по пальцам пересчитать можно.

– Я – маг?

– Нет, ты одаренный.

– Вот это да! Я смогу так же, как Нейла, «светляки» делать?

– Кругов через десять, может, больше, как заниматься будешь, а пока надо отсоединить канал силы от твоего плетения. Выпей эликсир.

Допив из кружки, которую мне протянул Лекам, спросил:

– А для чего эликсир?

Ответа я уже не слышал, так как стал проваливаться в сон.

Проснулся далеко за полдень, рядом никого не было, я вышел в столовую. На столе стоял горшок с кашей, явно дежурил Храм, он никогда не заморачивался и готовил кашу или яичницу, ладно хоть мясо в кашу бросал. Только сел за стол, появился Лекам.

– Ну, как самочувствие?

– Нормально, голова только кружится.

– Это ничего, некоторые неделями потом отлеживаются, а ты уже на ногах.

– А где Нейла?

– Спит. Вымотал ты ее. Она трижды медитировала, чтобы силы собрать, пока лечила тебя.

– Дядя Лекам...

– Можешь просто Лекам, а то Храма – на ты, а меня – дядя, я себя стариком ощущаю. Да и племянницу спас.

– Лекам, – попробовал я на вкус обращение, – а почему я ничего необычного не ощущаю?

– А почему ты должен ощущать что-либо необычное? Нейла просто прервала связь искры и плетения.

– Я не об этом, я о магии.

– А-а, – протянул он. – Ты же неинициированный, вот срастется искра с каналами, тогда, может, и почувствуешь. Хотя, если честно, не знаю, почувствуешь ли, обычно инициация проходит в детстве, а из детей рассказчики об ощущениях, сам понимаешь, не очень. Ну а поскольку рассказать некому, а сам я не помню, вот ты и расскажешь.

– Дядя, то есть Лекам, расскажи мне о братьях, а то я не помню, а у отца спрашивать неудобно.

– Чего неудобного-то, ты как-нибудь наедине спроси, он расскажет. Салк и Борк были лихими парнями, герои, на Оркской войне их полк попал в засаду, они остались прикрывать отход и погибли. Потом их товарищей отбили, но было уже поздно, а мечи их друг привез. Ну а Алехар где-то на границе со Старкским королевством служит, бывает, приезжает.

– У меня еще один брат есть?

– Да. Тоже в армии. Твой отец поэтому и не хотел, чтобы Храм тебя учил. Хватит, говорит, воинов в семье.

– А Храм воевал на Оркской войне?

– Нет, не воевал. Но пострадал от нее прилично, это он тебе сам расскажет.

– А где моя мать?

– Умерла. Вскоре после того, как ты родился. Но про нее уж точно у отца узнаешь.

Конец дня прошел скучно и тоскливо. Нейла так и не проснулась. Заниматься мне пока было нельзя. А вечером сморил сон, подозреваю, что Лекам плеснул в отвар своего эликсира.

Утром на спящего меня упало зеленоглазое чудо.

– Вставай, барсук, мне скучно. И спасибо, что спас ночью.

– Да не за что, тебе спасибо – лечила.

– Мне практика полезна, так что вставай, мой первый пациент, осмотр будем делать. Ну вставай же.

– Как я встану, если ты на меня взгромождилась?

Вставать мне совсем не хотелось, так как меня вполне устраивала Нейла сверху, тем более что ее губы находились в ладони от моих. Да и не хотелось, чтобы девушка заметила мое отношение к ней, бурно проявившееся реакцией внизу живота. Нейла с меня слезла.

– Жду в столовой, – и упорхнула, оставив еле уловимый запах духов.

Потянувшись, я встал. За окном сквозь темно-зеленую листву выглядывало высоко стоящее солнце. «Интересно, сколько времени, похоже, уже ко второй четверти».

Выйдя из комнаты, прошел через коридор на улицу, спускаться по лестнице нужды не было, так как нас с Нейлой в целях безопасности переселили на первый этаж. Умылся, и лишь после этого зашел в столовую. Кроме Нейлы, там никого не было.

– Садись, сначала осмотр, а потом пирожками накормлю. Сама стряпала.

– Надеюсь, пирожки не приправлены твоим острым чувством юмора!

– Хам. Садись.

Я сел, Нейла замерла напротив, на расстоянии мер пять, потом осмотрела меня своим магическим взглядом и снова вернулась в реальность.

– Я кому сказал – никакой магии! – В столовую вошел Лекам.

– Ну ведь интересно же!

– А потом кто тебя лечить будет? Что насмотрела?

– Не скажу.

– Нейла! – Лекам хмуро глянул на нее.

– Да нормально все. Плетение чуть притухло. А искра – наоборот, и ростки к каналам организма уже видны. Такими темпами завтра иницируется.

– Ну давай, корми мужиков, чудо-кухарка.

Как оказалось, насчет чувства юмора в пирожках я был прав. Пирожок с острейшим соусом достался Храму, после чего Нейле пришлось быстренько ретироваться. Весь день прошел как в сказке. Поскольку тренировками и обучением «больного» не нагружали, я провел все время с Нейлой. За это время почерпнул много полезной и не очень информации о магии вообще и о процессе инициации в частности.

Оказалось, что хорошо, если искра протянет каналы сама, природа лучше знает, куда их прирастить, и самостоятельно иницировавшиеся одарены гораздо сильнее. Узнал, что магам платят за услуги гораздо больше, чем одаренным. Маги редко бывают универсалами, но при этом по паре плетений из параллельных направлений знают и еще много чего.

Узнал кое-что новое о своей семье. Например, оказалось, что Алехар очень симпатичный и общительный «лапуся» (правда, в моем сознании он после этого потерял, а не приобрел), но постоянно ссорится с отцом да и с другими тоже. Выиграл несколько дуэлей, а на службу сбежал, так как отец добровольно идти не разрешал. Храма, как

оказалось, во время Орочьей войны взяли в плен вместе со всей его деревней. Сделали рабом и выставляли на гладиаторские бои. Отец с Лекамом пытались выкупить его, но за орка просили очень большие деньги. Выкупить удалось лишь тогда, когда Храм потерял руку. После этого еще долго копили на магическое выращивание руки, так как это очень дорого. Во время рассказа я почерпнул сведения о лекарском деле. Выращивание руки – это создание силового контура на месте, где она должна быть, после чего ткани организма начинают сами тянуться к контуру, и рука растет. Кстати, Нейла сообщила, что, если мне надо, она поможет отрастить мне хвост, ну или, если мне не надо, то она, пока я сплю, все равно его мне вырастит.

Вечером все вместе пили отвар, правда, по счастливому торчанию клыков Храма можно было понять: у него в кружке далеко не заваренные травы. Ночные посиделки с Нейлой нам запретили, но вечером я урвал поцелуй в щечку.

Последующие два дня также протекли в сладкой истоме. Ну разве что Храм возобновил тренировки, но они ограничились бегом и легкими комплексами упражнений для меча. Наверное, это время было самым сладким в моей жизни.

На третий день меня ждал сюрприз. Утром Нейла, запрыгнув ко мне в постель, крикнула не свое стандартное «вставай, сурок!» или «просыпайся, полумаг!», а вполне приличное:

– С днем рождения, лупоглазик!

Оказывается, в семнадцатый день теплого сезона у меня день рождения! Причем на этот раз я праздную семнадцатый круг, круг, когда мальчик становится мужчиной. К сожалению, тренировки не отменили, как сказал орк: «Для воина нет выходных, потом еще спасибо скажешь!» – правда, длительность занятий слегка сократилась.

Лекам готовил на ужин «мясо по-нормански». Храм выпытал у меня день назад рецепт, и, когда узнал, что мясо вымачивается в вине, вопреки словам Нейлы, одобрил: «Настоящий орочий рецепт». Нейла весь день удерживалась от шуток в мой адрес, но я чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, я понимал, что родные стараются, но находиться все время в центре внимания было как-то непривычно. Вечер встречали в столовой. Нейла для такого случая навесила «светляков» везде, где только можно, и надела то самое бальное платье. Мне же пришлось изображать кавалера, то есть отодвигать и пододвигать стул, когда она вставала или садилась, хотя я лучше станцевал бы с ней медленный танец, но поскольку музыкантов у нас не было...

Орк вообще предложил в честь «дня мужчины» пойти в трактир. Но это предложение было отменено отцом – по причине безопасности, а Лекамом – по причине морального состояния подопечной, а если буквально, то «да меня ее родители на кол посадят!» Но вот настойку мне орк все-таки налил:

– Настоящий орк, в день воина (совершеннолетие по-орочьи) не может не выпить гномьего огня.

Но после первой чарки, видя реакцию моего организма, больше не настаивал. Мне стало безумно хорошо.

Апогеем торжества оказался подарок, я не знаю, чья это была идея, но под восторженные крики всех присутствующих: «Харра! Харра! Харра!» – отец вывел во двор черного как смоль жеребца.

Благородный наклон головы, рост под четыре локтя в холке, тонкие ноги – он был великолепен. Отец не стал произносить долгих речей:

– Пусть Аравин будет тебе боевым другом!

Сказать, что утро было тяжелым, значит ничего не сказать. Несмотря на мизерное количество выпитого, мне было плохо. При этом тренировки никто не отменял.

– Настоящий орк не знает похмелья.

Думаю не надо сообщать, кому принадлежат эти слова.

Но это оказалось не единственным испытанием. Во второй четверти дня раздался истошный крик Нейлы:

– Алехар!

Знаю, что нехорошо так думать, но он мне сразу не понравился, и я оказался прав. После не скажу что сухого, но сдержанного приветствия всем обитателям нашего дома (исключением оказалась Нейла, которая, как мне показалось, вечность висела на нем) брат подошел ко мне.

– Привет, Норман, я для тебя кое-что привез. – При этом Алехар помахал перед моим носом леденцом в форме дракона.

А потом тихонько, ележным голосом, так, чтобы никто не слышал, добавил:

– Надеюсь, он унесет тебя.

– Мелковат он для меня, но все равно спасибо, вижу, что от души.

В глазах Алехара за несколько ударов сердца я прочитал целую гамму чувств: удивление, досаду, злобу, растерянность. Я молча развернулся и ушел в дом, где с омерзением выкинул подарок в помойное ведро, а ведь я ждал его – брат!

Вечер был скомкан. Нейла крутилась вокруг Алехара. Какое-то время отец о чем-то беседовал в столовой с братом. Причем беседа шла явно на повышенных тонах. Немного развеяла мое настроение тренировка на мечах с Храмом, в течение которой я озлобленно сражался, представляя на месте Храма Алехара. В конце концов орк остановил тренировку:

– Орк должен сраживаться и биться без чувств, на голom разуме и расчете, а ты делаешь много ошибок, – развернулся и ушел, разозлив меня еще больше.

Я направился в конюшню чистить Аравина и Барса, в глубине души злясь на Нейлу – как можно быть такой слепой и не видеть лицемера? Ночью мои переживания с трудом поглотил сон.

– Что, опять баронство клянчит?

– Да.

Рамос и Лекам стояли на крыльце. Небо второй день хмурилось, предвещающая дождь.

– Да отдай ты его ему.

– Обойдется. Если приму титул, Норману тоже придется служить в случае войны. А между графствами войны, сам знаешь, что ни круг, то стычка.

– Да кто ж его, больного-то...

Тут Лекам замолчал, поняв, что сказал ерунду.

– То-то же. Они титулы раздают, а потом за счет права службы дворянина подготовленных воинов получают. Да и нечего в этом дворянском гадюшнике делать. Ты сам-то давно в свет выходил? Молчишь. А он сразу кинется. Какая ему польза от безземельного титула, вот объясни мне? А лучше расскажи, что с Нейлой решил?

– Пусть учится, чего ей жизнь ломать. Она с нами не связана, о Нормане ее строго-настрога предупредил, чтобы ничего не говорила, да и сама не дура, понимает, что не просто

так убийцы в дом приходят, так что послезавтра отвезу в академию. Пойдем, по кружке красного пропустим, как Норман говорит.

Утром я тренировался один, Храм отправился на базар, его очередь кухарить. Алехар отправился на конюшню седлать своего коня, собирался уезжать, но спустя десять мер вышел:

– Я смотрю, ты мечник? Может, со мной сразишься?

Я молча кивнул на стоявшие в углу деревянные мечи. Он подошел, так же молча выбрал оружие и встал напротив меня.

Сражался он ожесточенно, как, впрочем, и я. Техника напоминала то, чему меня учил орк, но с еле уловимой разницей. Где-то через тридцать ударов сердца он провел рубящий удар снизу, я, не успевая отбить, отклонился корпусом назад, тут же получил подсечку, потерял равновесие, на мгновение отвлекся и, схлопотав удар в челюсть, упал в песок. Прижав острие меча к моему горлу, брат засветился злорадной яростью:

– Ты! Ты мне всю жизнь испортил, ты испортил жизнь всей семье. Из-за тебя умерла мать, все детство я должен был с тобой сюсюкаться, теперь отец остался нищим, потому что вылечил тебя. Для чего, какой от тебя прок? Ты думаешь, что кому-то нужен? Думаешь, Нейла ответит тебе взаимностью? Да-а, я видел, как ты на нее смотришь. – Он захохотал. – Придурок, глянь на себя в зеркало, как была идиотская рожа, так и осталась.

Он наклонился ко мне поближе, нажав сильнее на меч, тихо сказал:

– А вот я с ней обязательно покувыркаюсь, когда подрастет. Как жаль, что это не настоящий меч.

Алехар резко отбросил оружие в сторону и ушел. Я вскочил, судорожно сжимая одной рукой – меч, другой – горло.

– Может, ты на безоружного кинешься? Хотя тебе позволено, ты же дурак. – Он остановился, повернулся ко мне лицом и развел руки в стороны.

Постояв три удара сердца, захохотал, зашел на конюшню. Через какое-то время выехал на лошади и сразу пустил ее в галоп.

Из дома выбежал отец:

– Щенок, успел уехать. – Он подошел ко мне. – Я все видел из окна, не успел. Что он тебе сказал?

– Не знаю. Наверное, правду.

Отец молча постоял рядом, потом поднял меч, брошенный Алехаром.

– У тебя очень резкие предугадываемые движения. Повторяй за мной.

Он начал плавно двигаться. С каждым ударом сердца движения становились быстрее, превращались в танец, мне казалось, я слышу ритм, медленный и в то же время торжественный. С неба упали первые капли дождя.

Отношение к Нейле у меня немного изменилось, но она смогла уловить. Нет, это была не злоба, это было бессилие перед обстоятельствами. Алехар прав, мое лицо, как, впрочем, и тело, несло печать болезни. Я просто выискивал для себя в отношениях с девушкой какие-то штрихи, которые могли бы означать ее равнодушие ко мне. Брат открыл мне глаза. Я даже мер пять покрутился у зеркала, что только усугубило падение моего мнения о своей внешности, просто раньше я об этом не задумывался. Казавшиеся маленькими на щекастом лице глаза были расположены слишком широко, толстые губы на почти круглой физиономии делали меня похожим на владельца мясной лавки на базаре, который вызывал у меня

отвращение. Возможно, Нейла любила меня, любила как брата, но мне этого было мало.

Вечером девушка провела последний осмотр. Последний, потому что каникулы заканчивались. Инициации не произошло.

На следующий день она уехала. Мне стало легче.

Глава 5

Преследование

После отъезда Нейлы жизнь нашего маленького мирка в свое русло уже не вернулась. Отец объявил об отъезде из города, правда, куда едем, не сказал, поэтому все занялись приготовлениями. Вернее, занялись Лекам и отец, они постоянно куда-то пропадали. То вопросы по продаже дома решить, то остатки товара в соседнюю лавку продать, то расторгнуть договор с арендодателем лавки, а еще кибитку купить, деньги за дом в банк отнести, припасы приобрести и так далее. А мы с орком занимались боем на мечях и хозяйственными вопросами. Храм меня быстро приписал к кухне, а сам взял на себя колку дров, ношение воды и порядок в доме. Сначала мне это показалось справедливым, но, когда услышал: «Зачем наводить порядок, если скоро уезжаем, вот новые хозяева пусть и наводят», – попытался переиграть распределение обязанностей, на что получил ответ:

– Мы не женщины, чтобы менять свое мнение каждую часть времени.

Пришлось смириться.

Неприятности настигли нас на третий день, когда сборы были уже почти закончены. Мы четвером пошли в канцелярию графства, где должны были выправить для меня документы. Так как мне исполнилось семнадцать кругов, из документов отца меня надо было вычеркнуть и получить свои. В канцелярии собралась куча народу, стоял галдеж. Кто-то ругался с писцами, доказывая, что граница его участка проходит по территории соседа, кто-то, молча присев на скамью, ждал очереди. Отстояв часть времени, мы без проблем получили документы и, протиснувшись через толпу, пошли на выход. На крыльце канцелярии я и сам не понял, как столкнулся с дворянином.

– Ты что, навозная куча, не видишь, куда идешь, да я тебе плетей всыплю!

Он замахнулся на меня невесть откуда взявшейся плеткой, но опустить ее не успел, Лекам перехватил руку.

– Ты что, мразь, знатного человека хватать...

– Лекам эль Лоренс! Можно узнать, с кем имею честь говорить?

– Сортос эн Мориан. – Дворянин побледнел.

– Этот молодой человек мой друг, и я в своем праве заступиться за него и принять вместо него ваш вызов, но, поскольку вы успели оскорбить и меня, назовите место и время.

– Завтра в первой четверти дня, ристалище у северных ворот.

– Буду.

Мы удивились реакции обычно хладнокровного Лекама.

– Что на тебя нашло? – спросил отец, когда все с трудом втиснулись в двуколку.

– Да он уже мер десять вокруг нас в канцелярии терся. Я бы его не заметил, но он сначала меня толкнул, пока подбирался к Норману. Потом попытался столкнуться с Норманом, в первый раз тот, молодец, увернулся, но наглец спустя меру вновь подошел к парню, правда, его ненароком прикрыл Храм. В общем, он целенаправленно искал конфликта с твоим сыном. Правда, спустя пять мер исчез.

– И ты решил дать ему повод для поединка?

– Надо было дать ему высечь Нормана около канцелярии? Или ты думаешь, он бы на

этом остановился и не вызвал стражу, объявив, что простолюдин его оскорбил? Кто-то целенаправленно пытается нас задержать, и если бы Нормана забрала стража, это удалось бы. А так предъявить этот Мориан ничего не мог, поскольку я на правах дворянина взял на себя ответственность, и мы завтра же после дуэли и уедем.

– Приостанови, Храм. – Отец выпрыгнул из двуколки.

– У меня есть еще одно дело.

– Может, я с тобой на всякий случай?

– Сам разберусь.

Вечером Лекам, сидя на крыльце, чистил свой клинок. Я подсел рядом:

– Лекам, ты уверен, что победишь его, ты ведь его не знаешь?

– Я за ним наблюдал в канцелярии, он дуэлянт, не воин. Конечно, сложно определить мастерство человека, не проведя с ним схватки, но, думаю, со мной ему не повезет. Тем более что все равно деваться некуда, не бежать же с позором.

– А почему ты этот меч взял, у тебя же есть магический?

– Нейла рассказала?

– Да, – сдал я без зазрения совести подругу.

– Вот стрекоза. На дуэли нельзя пользоваться никакими магическими предметами.

– А если ты маг, вернее, был бы им, то есть...

– Да понял я. Тоже Нейла рассказала?

Я кивнул.

– Ну это другой разговор, своей силой можно пользоваться сколько угодно, она же богами дана. Только мага вряд ли кто на дуэль вызовет, разве что другой маг, а так смертельно опасно.

– А одаренных?

– Бывает, вызывают, если одаренный из знати, титул ведь им не дают.

– Но ведь ты ему назвался, и он слышал приставку «эль», значит, считает тебя магом, но все равно согласился на дуэль?

– Я рассчитывал, что он откажется, но, как видишь, согласился. Вернее всего, он или самоубийца или профессиональный бретер, среди безземельных баронов много таких, и отказ от вызова для него равносителен потере источника дохода. Хотя истинную причину знает только он.

– Но выглядел он испуганным.

– Завтра будет смелее, за вечер постарается обо мне что-нибудь раскопать и узнает, что я выгоревший.

Рано утром всех разбудил Храм, мы позавтракали, сгрузили нехитрый скарб в кибитку, правда, набралось его не так уж много, но Храм старательно разложил и расставил все по бокам повозки. После чего тронулись в сторону северных ворот. Лекама уговорили для поднятия статуса ехать на моем Аравине, хотя он отвечал, что плевал на условности. По дороге завезли ключи новому хозяину дома, который за цену ниже нормальной как минимум на треть выкупил его у нас.

К ристалищу подъехали в конце первой четверти. На огороженной арене, судя по трибунам, в разное время исполнявшей разные функции, было довольнолюдно, около тридцати разумных стояли, разделившись на три неравномерные группы. Одну из них

представляла троица карликов, самый высокий из которых был на голову ниже человека среднего роста, а уж орку вообще достигал только груди. Ристалище для боев покрывал белый песок.

– Я надеюсь, это не на нашу встречу делегация ротозеев собралась? Ничего не напоминает, Храм? – Лекам возвышался над нами на коне.

– Хорошая арена, песок не сильно скользит.

– Ты здесь дрался гладиатором? – не вытерпело мое любопытство.

– Что ты еще знаешь?

– Что ты руку потерял, только не знаю как.

– Ну вот именно здесь я и оставил часть себя.

Мы подъехали к разряженному как петух противнику, стоявшему отдельно в окружении таких же пестро и безвкусно одетых знатных.

– Я думал, вы уже не приедете, – встретил нас повеселевший бретер. Видимо, он действительно разузнал о выгорании Лекама.

– Лишить себя такого развлечения? Барон, да вы шутник или пытаетесь повторно нанести оскорбление?

– Зачем? Сейчас и так все выясним, уважаемый эль Лоренс. – Он преднамеренно сделал ударение на «эль», указывая, что знает о выжженности Лекама. – К сожалению, мы не первые. Сейчас состоится поединок эн Дувара и гнома. Но я не думаю, что это надолго, мы как раз успеем зарегистрироваться у распорядителя.

По сложившимся традициям можно было и не регистрироваться, имея по свидетелю с каждой стороны. Но регистрация значительно упрощала взаимоотношения со стражей в случае смертельного исхода у одной из сторон. Пока Лекам и барон регистрировались, я с любопытством рассматривал гномов. Из-за небольшого роста плечи их казались шире, да и сами они выглядели потолще, хотя в действительности были даже похудее, чем я. Возраст гномов ненамного превышал мой, гладко выбритые лица спокойны, они вели неторопливую беседу. Один из них заметил мой внимательный взгляд и подмигнул, я улыбнулся и вежливо кивнул головой в знак приветствия, он ответил таким же жестом.

Распорядителем оказался сухонький старичок в темном плаще, апартаменты его располагались в настолько же, как и он сам, потрепанном сарае. Он довольно быстро записал дуэлянтов в свою книгу, заставив их поставить свои росписи. После процесса регистрации мы пошли посмотреть дуэль, предшествующую нашей.

Противниками оказались с одной стороны – тот самый подмигивающий гном, с другой – такой же безземельный барон, как и наш. Схватка началась с вопроса распорядителя:

– Как желают драться господа?

– До крови, – произнес гном.

– Насмерть, – ответил его соперник.

– Оружие? – спросил распорядитель.

– Меч и нож.

– Меч и нож.

Распорядитель с секундантами каким-то амулетом проверили дуэлянтов и их оружие на присутствие магии, потом распорядитель пафосным голосом произнес:

– Бой насмерть. Оружие – меч и нож. Начали.

Противники стали медленно сходитья, заворачивая при этом по кругу. Гном оказался на голову ниже своего соперника, соответственно, рука у него тоже была короче, поэтому он

находился в проигрышной ситуации. Казалось бы, его противник должен воспользоваться этим и теснить врага, но он почему-то тянул. Наконец, решился и напал, пытаясь колющими ударами достать коротышку. Гном старался прыжками назад уйти от ударов, но на одном из выпадов ножом отбил меч в сторону, метнулся вперед и вниз, практически распластавшись по песку, и нанес снизу колющий удар в грудь. Противник чуть-чуть не успел уйти от удара и заработал от скользящего меча резаную рану на левом боку, но гном не остановился и, не вставая, из нижней стойки, развернувшись, произвел рубящий удар по ногам. Его противнику не везло, он опять почти успел уйти, но кончик меча оставил кровавый след на голени. Барон опомнился и пошел в атаку, но гному легко удалось разорвать дистанцию, пользуясь ограниченной подвижностью врага. Гном медленно кружил вокруг противника, делая иногда ложные выпады.

– Опытный боец. – Орк, внимательно следил за поединком. – Сейчас время на его стороне, вымотает гном соперника, тот ослабеет от потери крови, морально будет подавлен и мер через пять просто возьмет его голыми руками.

Но противник, видимо, тоже это понял, и, поскольку гном уходил от боя на дальней дистанции, он резко, практически бегом вошел в ближний бой. Гном резко изменил тактику и кинулся навстречу, подошел практически вплотную, на таком расстоянии меч соперника не имел эффективности. Клинком, поднятым вертикально, отстранил нож барона и с размаху, снизу, вбил свой кинжал в грудь сопернику. Барона на удар сердца оторвало от земли. Мне показалось, что я услышал хруст ребер – настолько сильным был удар.

Бой закончился, гном, казалось, даже не запыхался, прошел мимо нас, по дороге подмигнув мне.

– Кольвин хар, Дарре, – сказал гному Лекам.

– Гарде, Дарре. Гаримос куппе хар.

– Гарде.

Распорядитель подошел к противнику гнома, приставил какой-то амулет к шее, видимо, зафиксировал смерть, и направился к своему сараю. Гном тоже направился туда, вручил старику золотой. Распорядитель протянул гному какой-то свиток и ножны от меча, в это время шустренький мальчишка притащил меч поверженного, он умудрился перед этим прошмыгнуть среди свиты барона, окружившей труп, и снять его с убитого. С восторгом глядя на гнома, протянул оружие победителю. Гном улыбнулся и, пошарив в кошельке, дал пареньку монету.

– А что это распорядитель дал гному? – толкнул я Храма.

– Документ, удостоверяющий, что поединок был честным и гном не несет ответственности за смерть барона.

Распорядитель пригласил на поле нас, вернее, Лекама с эн Морианом.

Прошла церемония начала дуэли, аналогичная предыдущей, с той лишь разницей, что оба согласились драться до крови, Лекам с бароном начали медленно кружить по арене, одновременно приближаясь, оба сделали по паре ложных выпадов, проверяя соперника. В какой-то момент барон атаковал, противники обменялись молниеносными ударами, металл пронзительно зазвенел в наступившей тишине. Через пять ударов сердца они разошлись. Рубаха на плече барона намочла от крови.

Распорядитель крикнул:

– Стоп. Барон Сортос эн Мориан, вы хотите продолжить бой?

Бретер посмотрел на Лекама:

– Нет.

– Бой окончен.

Лекам подошел к нам, подмигнул мне.

– Ну все, можем ехать.

– А ты чего так долго? Тебе барон понравился, решил потанцевать? – нарочито громко, чтобы барон услышал, спросил Храм.

– Забыл, что мы торопимся, пришлось задержаться, не хотел расстраивать человека, а то в следующий раз не пригласит на поединок.

Барон молча стерпел оскорбление и наш хохот, вскочил на лошадь и тронулся вместе с секундантом подальше от арены.

К нам подъехал на вороной кобыле гном, оставшийся посмотреть на дуэль Лекама.

– Хороший бой, уважаемый.

– Благодарю, Дарре, ваш был зрелищней.

– Лучше бы все мои сражения заканчивались, как ваше, быстро и с малой кровью. До встречи! – Гном улыбнулся и, развернувшись, направил свою лошадь в сторону города.

Локтей через сорок к нему присоединились ожидавшие его в стороне спутники. Мы тоже не стали задерживаться и повернули свою повозку, правда, в противоположную от города сторону.

Лес вблизи Еканула отсутствовал, изначально это была крепость, и деревья вокруг целенаправленно вырубали, а когда крепость переросла в город, вырубки делали уже жители, для своих нужд. Сейчас граф запретил рубить все подряд, лесники выделяли специальные места, но кому же хочется ехать вдаль! Поэтому браконьерские вырубки продолжали уничтожать лес.

Верст пять мы ехали по дороге через поле.

– Я думал, гномы все с бородами и в бою используют только топор. – Так как дорога казалась однообразной, я решил скрасить ее разговором.

– Ты недалек от истины, – ответил мне едущий рядом Лекам, – когда гном достигает тридцати кругов и обретает специальность, ему можно отращивать бороду. И я не видел еще гнома после тридцати без бороды. Борода у гномов очень важна, по тому, как она подстрижена или заплетена, можно узнать, к какому клану относится тот или иной представитель этого народа или в каком деле он мастер. К примеру, воины заплетают бороду, а кузнецы регулярно подстригают кончик. Ну а насчет топора, так это любимое оружие гномов – по причине их индивидуальных особенностей. Дело в том, что, несмотря на свой рост, они гораздо тяжелее и сильнее людей, при таком весе ловкость и быстрота движений слегка теряются, к тому же, таким ростом удобнее работать более коротким мечом, но проигрываешь в дистанции боя. А вот топором им гораздо удобней биться, попробуй останови довольно увесистый боевой топор, разогнанный гномьей силой до свиста, при этом рукоять топора может в полтора раза превышать длину меча.

– А на дуэли гном довольно ловко орудовал мечом.

– Ну я же не сказал, что они совсем уж не владеют мечом. К тому же тот гном еще молод и кость не набрала своего веса, поэтому ему пока удобней меч.

Лекам перелез с Аравина в кибитку и предложил мне покататься.

– А я не умею.

На меня уставились три пары, мягко говоря, расширенных глаз.

– Да, – Храм потер свой клык, – чему мы только его ни учили, а про главное забыли. Но ничего. – Он тут же повеселел. – Сейчас исправим!

– Вот уж не сейчас, – вмешался отец. – Сейчас лес начнется, вы бы кафтаны-то накинули.

И первым достал кольчугу. Лекам вынул из сундука бригантину, представлявшую собой кожаную куртку с нашитыми на нее пластинами, рукава по локоть составляло кольчужное плетение. Мы с орком надели кожаные безрукавки, причем на мне она висела чуть ли не до колен, явно с плеча Храма. Когда меня увидели в этих латах, хохотали до слез.

– А зачем броня? – Мне было неудобно в многослойной кожанке, затвердевшей, как глиняный горшок.

Да и смех старших удовольствия не добавил.

– Ну если уж в городе нападали, то в лесу им раздолье, пустил стрелу, и бежать! – объяснил Лекам, вскакивая на Аравина и переводя его в галоп.

– А куда это он?

– Сейчас проверит и вернется. – Отец надел остроконечный шлем. – А вы быстро внутрь.

Только сейчас я понял, зачем Храм так старательно расставлял по бокам кибитки вещи.

– А если в Лекама стрелять будут?

– Ну, во-первых, он на коне – попробуй попади, а во-вторых, было время, он на лету стрелу рукой ловил.

Вскоре Лекам вернулся, на ходу завернул в лес, отец молча повернул телегу за ним. Только въехали в лес, Храм выпрыгнул, отогнул задний полог.

– Сейчас отъедем и встанем на время, – заговорил отец, предвидя мои вопросы. – Храм следы заметет, потом в засаду сядет с Лекамом, не может быть, чтобы нас так просто отпустили, вслед либо отправят отряд, либо пошлют кого-то следить за нами.

Просидели с отцом в кустах, недалеко от кибитки, наверное, целую часть. Вдруг локтях в ста зашумели ветки. Отец сначала взялся за меч. Но потом тихо сказал:

– Ты бы, Храм, еще в горн погудел.

Из-за деревьев показались орк и Лекам.

– Ну что? – спросил отец.

– Да кто его знает? – пробурчал орк, – проехали два подозрительных типа, пара обозов да телега, следы наши притоптали.

– Что делать будем?

– Дорога оживленная, предлагаю пообедать и ехать дальше, похоже, перебоались. Совсем постарели, раньше еще и приплатили бы, если бы кто напал. – Орк махнул мечом и срубил деревце.

Перекусив загодя заготовленными вареными яйцами, тронулись в путь. Как оказалось – недобоялись, в последней четверти дня навстречу нам выехала кавалькада из десятка всадников:

– О, я же говорил, не могли они далеко уйти. Из-за вас, твари, мы весь день в седле!

Они повыхватывали клинки и ринулись на нас. Первым их встретил отец. Махнув рукой, он послал метательный нож, одного из нападавших выбросило из седла.

– В лес, – крикнул отец, – там на лошадях не развернуться.

Я метнулся к лесу, уклонился от удара и прижался спиной к дереву. Нападавшим пришлось спешиться – на лошадях в лесу они были менее поворотливы. Один из них пренебрег этим и на мгновение потерял Храма из вида по причине хлестнувшей по лицу ветки. И тут же лег без движения – орк воспользовался моментом. Первый мандраж прошел после того, как я увидел кровь на мече орка: либо они нас, либо мы их. На меня напали сразу двое, орк с успехом отбивался от троих, видимо, его сочли более опасным. Отца и Лекама я не видел. Задумываться, где они, не было времени.

Меч пел, я отбивал удар за ударом, отступая так, чтобы один противник мешал другому, смешной кожаный полуплащ-полудоспех спас меня уже от двух ударов меча. Тут под ногу попал корень, и я, споткнувшись, неловко завалился на бок. Меч одного из противников готов был обрушиться на меня из косога замаха. Время практически остановилось на удар сердца, звук вокруг стал тягучим и глухим. Я словно во сне поднырнул под меч и наотмашь рубанул по ноге нападавшего, через мгновение уже стоял на ногах и нападал на второго, у него был испуганный взгляд. Он как-то смешно и медленно отбивал мои удары. Видимо, отчаявшись, замахнулся на меня, и тут же по его шее чиркнуло лезвие моего меча. Меня обдало вырвавшейся фонтаном кровью. Развернувшись ко второму, начал понимать, что опасность миновала. Он лежал, схватившись за почти перерубленную ногу, и, как рыба, разевал рот. Я было повернулся, намереваясь бежать на помощь Храму. Но тот уже сам шел ко мне какими-то смешными шагами. В глазах все поплыло, зеленые ветки леса закружились хороводом. В уши ворвалась какофония звуков, среди которых выделялся крик боли второго. Я без сил сел на землю и заскользил спиной по дереву вниз.

Орк и бежавший следом отец довели меня до нашего фургона, так как ватные ноги не слушались. Около кибитки меня перехватил Лекам. Скинув с меня латы, он посадил меня около колеса и осмотрел.

– Ни царапины, видимо, перенервничал.

– Я пойду, там Норман одного в живых оставил, только ногу по колено укоротил. – Орк хохотнул.

Мер через пять я пришел в себя. Ну как пришел: мутило по-страшному, но хотя бы понимал, что происходит вокруг. Отец был рядом со мной. Лекам разговаривал недалеко с теми самыми гномами, что бились на арене. Я попытался встать.

– Сиди давай.

– Да мне уже лучше.

– Что, по голове прилетело?

– Да вроде нет. Хотя, может быть, и не заметил.

– Молодец, с двумя справился. Храм троих успел повалить, Лекам тоже двоих успокоил, а я только одного наказал.

– А остальных?

Оказалось, гномы подъехали очень вовремя. Когда все началось, на отца с Лекамом насели четверо, и достать их никак не удавалось. Но и у нападавших успеха не было, удалось только нанести незначительную царапину на руке Лекама. Когда враги опомнились и начали окружать наших, чтобы лишить маневренности, появились гномы. Увидев не совсем честную схватку, к тому же узнав Лекама, они решили выступить на нашей стороне. Недолго думая разрядили арбалеты в спину наших противников, убили двоих. С оставшимися отец и маг справились за несколько ударов сердца. Разобравшись со своими противниками, сразу бросились к орку. Он к тому времени бился с двумя, одному Лекам с ходу снес голову, второй

растерялся, чем воспользовался орк. Живых нападавших не осталось, кроме моего одноногого.

Пока отец рассказывал мне, какова обстановка, появился Храм.

– Добил, все равно лекаря нет. Толком он ничего не знал, сказал, что их предводитель, я так понял, что вон тот, которого ты, Ровный, ножом срезал, обещал аж по десять золотых каждому после того как нас положат. А вот у кого заказ взяли, не знает.

– Хорошие у вас враги, богатые. – Гном-дуэлянт стоял рядом с Лекамом.

– Можем поделиться, у нас такого добра... – пошутил Лекам.

Гномы засмеялись:

– У нас тоже хватает, но как кончатся, обязательно попросим. Что дальше делать будете?

– Ну, приберем сейчас здесь, соберем трофеи, поймаем лошадей и поедем. Надо еще место для стоянки найти, к ближайшему трактиру не успеем. Кстати, две лошади и то, что на тех двоих с болтами в головах – ваше. Если что-то еще нужно, говорите, – предложил отец. – Вы нам сегодня очень помогли.

– Можно лучше трех лошадей, а трофеи оставьте себе?

– Хорошо, хотя я бы посмотрел на глаза торговца оружием, которому гномы принесут сдавать мечи такого качества, как у этих.

Гномы опять засмеялись.

Перевязав руку Лекама, совместно с гномами стащили трупы с дороги. Я к этому времени совсем отошел. Пока Храм собирал трофеи, переловили лошадей. Правда, одна куда-то ускакала, поэтому осталось десять. Трех отдали добровольным помощникам.

– У главара золота было, монет сто, наверное, и у остальных серебра немного, – тихо сказал Храм отцу. – Может, нам следующих подождать, неплохо зарабатываем, лошадей вон по пятнадцать золотых сумеем продать.

Собрав трофеи и привязав свободных лошадей к фургону, тронулись дальше, но тут же пришлось остановиться, обнаружилась пропажа. Одиннадцатая лошадь лежала рядом с дорогой. При приближении Храма она, хрипя, попыталась встать, но не смогла, на шее виднелась резаная рана. По-быстрому добив животное, Храм вырезал несколько кусков мяса с шеи и спины.

Поскольку засады и погони ближайших два-три дня можно было не ждать, Храм взялся учить меня верховой езде. Гномы, отворачиваясь, улыбались, выглядел я мешком, потому как мало того что слабо держался в седле, еще орк снова напялил на меня чудо-латы. Мол, «кто готовится к битве, того духи берегут». Через пятьдесят мер гномы вообще чуть не покатывались со смеху. Хорошо, что спустя часть времени меня спас Лекам:

– Храм, мне бы с малым переговорить.

– Слушаю, Лекам. – Я с трудом, так как задняя часть с непривычки слегка одеревенела, залез в кибитку.

– Это я тебя слушаю, скажи-ка, чего тебя такого бледного привели?

Я в подробностях рассказал все магу. Храм в это время увлеченно звенел монетами сзади нас, видно, пересчитывал.

– А со слухом у тебя ничего не происходило?

– Ну как-то затихло все, как будто уши заложило.

– И враги медленнее стали двигаться.

– Ну да.

– Заложило, говоришь. Да нет, тут либо ты инициировался, либо искра снова срослась с

плетением на голове.

– Почему ты так решил?

– Твое восприятие ускорилося, поэтому и звуки стали плохо слышны. Они были, но время для тебя как бы растянулось, вернее, ты стал двигаться и воспринимать все быстрее. Ну а поскольку опыта нет, просто не мог различать звуки. Скажем, я крикнул бы тебе: «Норман!» – а до твоих ушей донеслось бы, – тут маг смешно растянул слова – Н-о-о-р-м а-а-а-н!» Поэтому твой мозг просто не расценивает это как единое слово. Собственно, ты и смог убить тогда одного из первых ночных гостей, он просто не слышал, как ты подошел сзади.

– Я так всегда смогу делать?

– Думаю, пока только в ситуациях, угрожающих жизни. Для преднамеренного ускорения надо тренироваться. И, кстати, надеюсь, ты заметил отрицательные стороны: сзади к тебе мог бы подойти отряд с горнами, ты бы не услышал, и откат после выхода значительный. Если рядом оказался бы не Храм, а враг, сам понимаешь. И связки мог порвать, нагрузка на мышцы большая. Хорошо хоть Храм тебя в Екануле гонял, а то лежал бы сейчас перемотанный.

– То есть это так и будет длиться короткий промежуток?

– Ну-у-у... Ты вообще еще не научился осознанно управлять телом. А, как ты говоришь, «это» зависит от наличия силы в искре. У тебя ее очень мало, когда она закончилась, организм сам вышел из состояния повышенного восприятия. Собственно, и откат поэтому произошел, выход не может пройти мгновенно, нужен как минимум удар сердца, и в этот промежуток сила черпалась из твоего организма. Если бы у искры сохранилось хотя бы немного силы, отката тоже не произошло бы. Научись контролировать процесс, будешь выходить безболезненно.

– А как учиться?

– Пока никак. Сначала надо научиться видеть силу. У многих на это уходят годы.

– Что для этого нужно делать?

– Потом расскажу, в любом случае тебе сейчас требуется пара дней, чтобы искра полностью слилась с телом.

– Сто пятьдесят золотых! – Храм, видимо, закончил считать.

Фургон вдруг остановился.

– Что там? – крикнул Лекам.

– Рик поехал посмотреть место для привала, – ответил отец, сидевший на козлах.

Риком звали одного из гномов, вернулся он мер через десять:

– Неплохое место, река рядом, и лошадей есть где пасти, останавливаемся?

– Показывай, – крикнул отец.

Вскоре мы выехали на довольно красивую поляну, окаймленную со всех сторон лесом. Практически сразу закипела работа по организации стоянки. Храм с Лекамом пошли за дровами, дуэльный гном, которого звали Шивак, отправился за водой, Рик ставил небольшой шатер. Меня отправили готовить «мясо по-нормански», хотя я предупредил, что из конины будет жестким. Храм и слушать ничего не стал, выделил бутылку вина из своих запасов. Остальные расседывали и спутывали лошадей.

Через часть, когда угли дошли, а мясо худо-бедно замариновалось, все сели к костровищу. Солнце уже клонилось к закату. Комарье, слетевшееся, казалось, со всего берега реки, начало досаждать. Третий гном – Раск, принес из мини-шатра амулет, и через меру

кровососы исчезли в радиусе пятнадцати локтей. Под мелодичное щебетанье лесных птиц я выкладывал над углями импровизированные и довольно кривые вертела, сделанные Храмом из веток, с нанизанным на них мясом.

– Может, в честь знакомства? – достал Шивак флягу.

Предложение было воспринято одобрительным гулом пестрой компании. Храм пошел в кибитку за кружками. Гномы достали из небольших сумок, которые всегда были при них, миниатюрные кружечки без ручек и начали разливать в них мутноватую жидкость. Правда, в наши, казавшиеся по сравнению с гномьими гигантскими, они плеснули столько же настойки, сколько в свои. После третьей начал завязываться разговор.

Сначала рассказали о себе гномы: родом они были из Черных гор, расположенных недалеко от Оркских земель. Их поездка изначально не носила каких-либо конкретных целей, они просто путешествовали. Оказывается, у них есть традиция, по которой гном, которому исполнилось двадцать кругов, но еще нет тридцати, может поехать посмотреть мир. Этого никто не в праве ему запретить: ни родители, ни клан, ни мастер, у которого он обучается. Вот Шивак с братьями Риком и Раском и решили воспользоваться своим правом.

Путешествовали уже четыре десятины, особо в неприятности не влипали, за исключением истории в Екануле, из-за которой, собственно, и была дуэль.

На базаре Шивак увидел рабов, которых вели на продажу. Среди них оказался один из его соотечественников. Цена, за которую продавали гнома, была высока – двести золотых, так как тот слыл знатным кузнецом. А за временное снятие с продажи работорговец запросил по золотому в день. У троицы в кармане имелось всего двадцать, еще золотой наскребли серебром. Гномий банк денег не дал, так как им не исполнилось тридцати кругов. Пока пытались договориться с торговцем о временном, на три десятины, снятии с продажи гнома за задаток всего в двадцать золотых, так как быстрее они не успевали, а денег больше не было, к рабам «подошло это драконье...» и сказало:

– Таких мелких надо за золотой по три штуки продавать или в довесок к лошадям, чтобы сзади бежали и ловили то, что из лошадей падает.

По гномьим законам каждый гном, входящий в клан, – знатен, а по человеческим – Шивак совершеннолетен, поэтому он вызвал этого наглеца на дуэль. Ну а дальше мы все видели. И теперь они ехали в Черные горы, дабы просить денег на выкуп раба. Клан не откажет. Меч противника продали за десять золотых, которые также ушли на оплату залога.

После этого рассказа отец и Лекам переглянулись. Видимо, вспомнили, как выкупали Храма, посмотрели на орка, он кивнул.

– Мы можем дать вам сто пятьдесят золотых в долг, а остальное выручите за лошадей, – предложил отец.

– Но нам нет тридцати, наши расписки недействительны.

– На слово поверю, я ваш клан Черных топоров знаю. А доберетесь до дома – деньги Кейрону Тяжелому отдадите, пусть в банк на счет Рамоса Ровного положит.

Что тут началось, гномы от радости разве что не прыгали. Настойка полилась рекой, про мясо почти забыли, ели его слегка обугленным. Лекам с отцом спустя часть умудрились по-тихому исчезнуть с этого праздника маленьких человечков.

Утро второй раз в жизни выдалось тяжелым. Щебетанье птиц разрывало голову. Я встал, вылез из кибитки. Как я туда попал, представления не имел. То, что было в первый раз, ни в какое сравнение не шло с моим теперешним состоянием.

– О-о-о, ночной герой проснулся. – Лекам кашеварил у костра. – Эликсира не дам, помучайся.

– Ты, Лекам, как ворчливая жена, – раздался хмурый голос Храма. – Хотя почему – как, слова-то такие же.

– Сейчас еще скалку достану.

– А гномы где? – спросил я охрипшим голосом, еле разомкнув слипшиеся губы.

– Ни свет ни заря вскочили, в отличие от вас – бодрые, забрали деньги и рванули за своим мастером. – Лекаму явно было хорошо. – А вам сегодня фургон вести, так что умывайтесь и завтракайте.

– Почему нам?

– Потому что мы с Ровным всю ночь ваши тела и лошадей охраняли.

– А где отец?

– Лошадей моет.

– Пошли на реку. – Храм толкнул меня с козел.

Вода немного успокоила голову, но в висках все равно стучало.

– Держи. – Орк протянул мне флягу.

– Что это?

– Узнаешь. Только пей большими глотками и представь, что это эликсир Лекама.

Во фляге находилась настойка. Я было собрался выплюнуть все, что выпил, но Храм вовремя сунул мне под нос какую-то тряпку:

– Вдыхай.

После вдоха в голове прояснилось, тошнота потихоньку отошла:

– Что это?

– Гномы молодцы. Оставили утреннюю настойку и мох, что головную боль снимает. Через тридцать мер совсем полегчает. Ты хоть помнишь, что вчера было?

– Нет.

– А ты вчера повеселился. Началось с оружия. Гномы рассматривали твой меч, сказали, какой-то знаменитый мастер делал его совместно с магом.

– Это я помню.

– Потом смотрели их арбалеты, ты сказал, что поясом заряжать удобней. Вы долго спорили, но потом ты их убедил, привязал какие-то веревки к их арбалету и поясу и натянул его без блока быстрее Рика. Кстати, арбалет ты выиграл.

– А мы что, на спор натягивали?

– Ну да, гномы же. Они даже бросились что-то потом зарисовывать, сказали, обязательно упомянут изобретателя. А ты им подарил право использования изобретения. И правильно сделал, все равно это право только у гномов действует. А они тебе сумку и амулет от комаров подарили.

– А вот этого не помню.

– Потом мы играли в какую-то игру, набив подаренную тебе гномью сумку тряпками, пытались зацепить ее между двумя кольшками. Мы с тобой выиграли: семь – пять.

– И этого не помню.

– Ну а дальше уже я не помню.

– А потом вы пытались нарисовать какую-то игру в клеточках, причем спорили на весь лес, чем закрашивать, – подошел отец и хмуро посмотрел на меня, – на этом Шивак уснул.

Так как он был последним из оставшихся на ногах гномов, ты поплелся в фургон спать, бубня при этом себе под нос, что, если гномы не умеют пить, нечего и начинать.

Храм захохотал:

– Гномы пить не умеют!

– Но до фургона не дошел, остановился около дерева, и мер тридцать тебя выворачивало, пока Лекам не сжалился и не влил чего-то, после этого ты уснул, а он затаскивал тебя внутрь. А теперь пошли завтракать, надо до ночи успеть в трактир. Хотя с некоторыми туда заходить страшно, опять напьются.

Я, понутив голову, пошел за отцом.

Лекам не сдержал обещания и сел на козлы сам, а меня посадил рядом.

– И в чем урок? – спросил я, привыкший к тому, что маг ничего не делает просто так.

– Урок тоже был, но в основном я хотел убедиться, что искра срослась с тобой, а не с твоим плетением.

– Ну и как?

– Ты действительно инициировался, иначе не смог бы перепить гномов. Твой организм в случае угрозы подпитывает искра. В этот раз она восприняла настойку как яд и начала ее уничтожать. Собственно, у тебя сейчас не похмелье, а откат, поскольку все твои магические силы уничтожали яд, теперь их не хватает – это нормальное состояние инициированных. А если бы искра вновь срослась с твоим плетением, ты бы уснул где-то после пятой кружки настойки.

– То есть я теперь не смогу пить настойку?

– А это так важно?

– Нет, но и чувствовать, что ты что-то не можешь, пусть и незначительное, – неприятно.

– Не переживай. Ты же пил, значит, сможешь. Только если переберешь, эффект знаешь. Хотя трезветь, конечно, будешь быстрее, особенно когда искра наберет силу. А урок в том, что нечего пить с гномами.

Спустя час я почувствовал себя прекрасно и попросил орка провести урок верховой езды. Храм тоже чувствовал себя неплохо, я подозреваю, по причине наличия во фляжке настойки, и с радостью откликнулся на мое предложение. В седле я держался более уверенно. Через какое-то время проснулся отец и сменил Лекама. К вечеру мы въехали в деревню, где без труда нашли трактир.

Расположились в двух комнатах, фургон поставили во дворе. А вот наш табун в конюшню трактира не влез, пришлось договариваться с хозяином соседнего двора. Обошлось нам это удовольствие в десять медяков за лошадь, тогда как за Аравина и Барса в конюшне трактира мы отдали по двадцать медяков. Так что даже выиграли. Несмотря на то что хозяин гарантировал сохранность вещей в фургоне, часть из них пришлось по настоянию отца перенести в комнаты. Поужинав в почти пустом зале довольно неплохо приготовленной свининой, мы все вместе поднялись в нашу с отцом комнату.

– Ну, что будем делать дальше? – Орк расселся на столе, который жалобно скрипнул под его весом.

– Завтра надо продать трофеи и лошадей. Пару копытных, думаю, можно оставить, ну и к старкской границе повернем, – ответил отец.

– А стоит ли туда ехать? – Лекам сосредоточенно рассматривал носок своего сапога,

полулежа на кровати. – Лошади у нас есть, зерно сейчас дорогое, не сезон, только через четыре десятины подешевеет. А мы сможем за две добратся, и что делать потом? Лучше скажите, где дом покупать будем? Может, в Ламутское графство – там тепло?!

– А я бы в лес, к Савлентию, съездил, – вздохнул Храм. – Там рыбалка, покой. Когда еще обещали старику приехать. Да и вообще я забыл, когда беззаботно отдыхал.

– Тебе бы все отдыхать. Жить на что будем? – Отец хмуро посмотрел на орка.

– Ну, сейчас лошадей и мечи продадим, а там гномы деньги в банк положат.

– Ага, а еще на товар немного есть, да и от продажи дома. Все проедем и останемся нищими. Будем попрошайничать или обозы охранять. Ладно! – прервал ерническую речь отец. – Лекам правильно говорит, нечего у старков делать. Поедем к Темным землям. Пока едем, гномы до дому доберутся, деньги в банк положат. Там возьмем товара и махнем куда-нибудь на юг, хотя бы и в Ламутское графство.

– А я хоть на край света, мне везде интересно, но латы Храма больше не надены, я в них как пугало, – вставил я свое слово.

– Завтра закажем, – пообещал отец.

На следующий день мы выяснили, что трофейное оружие нам сдавать некуда. Оружейной лавки здесь нет и никогда не было. Лошадей оптом тоже никто брать не хотел, деревня небольшая. Все направляли в Светлую – деревню верстах в двадцати, там, мол, и продадите. Но вот как раз туда нам было совсем не по пути. Даже больше того – слегка пришлось бы проехать назад. Понурившись, мы вернулись в трактир. Каково же было наше удивление, когда мы увидели за столом четырех гномов. Трех старых знакомых и одного незнакомого с бородой до пояса, одетого в какое-то рубище.

– О, старые знакомые! – Храм заулыбался, если так можно назвать его оскал.

– И тебе привет, Храм, – ответил за всех Шивак. – Присаживайтесь, разговор есть.

Храм придвинул к столу гномов еще один стол.

– Это Кальд, великий мастер, кузнец, – продолжил Шивак. – Его мы как раз и ездили выкупать.

Мы сдержанно поздоровались, Лекам по-гномьему, а остальные просто кивком головы. Отец заказал всем пива. Пока его несли, Шивак продолжил:

– Мы за вами так гнались, чуть лошадей не загнали.

– Чего так? С нами веселее?

– Ну и это тоже. Историю одну хотим рассказать. – Шивак хитро сощурил глаза. – В городе говорят, что какой-то орк с тремя друзьями десяток добропорядочных граждан в лесу порубил. Теперь их усиленно ищут. Гонцов по графству и соседним баронствам рассылают.

Мы притихли. Тут как раз худенькая девчушка принесла пиво.

Отхлебнув, Шивак продолжил:

– Говорят, они – главари шайки, а их банда из пятнадцати человек в лесу прячется. Мы когда подъезжали сюда, догнали отряд, примерно тридцать неплохо вооруженных парней. Они на развилке к Светлой повернули, а один отделился и сюда поехал. По дороге разговорились, он спросил, не встречали ли мы фургон со светлой парусиной, в котором ехали орк и трое спутников, один помоложе и двое кругов шестидесяти. Ответили, что не встречали. Спросили, зачем ищет, сказал, что отстал, друзья, мол.

– Но потом он, приглядевшись к нашей четвертой лошади, которую мы недавно

приобрели с вашей помощью, сильно занервничал и обратно засобирался, – продолжил рассказ Рик, пока Шивак делал очередной глоток. – Мы его хотели уговорить с нами поехать, вдруг это и вправду ваш друг. Он сопротивляться начал, и мы его в лесу оставили.

– Живым? – спросил орк.

– Он сильно сопротивлялся.

– Спасибо, очень интересная история. – Отец залпом допил кружку и со стуком поставил на стол. – А самое главное, вовремя рассказана. Мы вот загостились тут, не пора ли собираться? Храм – за лошадьми к соседу, – начал он давать распоряжения. – Седлай всех, поедем верхом. На свободных лошадях вещи навьючим. Норман, Лекам, запрягайте Барса и Аравина, я за вещами. Вы, уважаемые, с нами или останетесь?

– Да конечно, останемся, особенно после того как хозяин увидел, как мы пиво с вами пили. Да и лошадка, оказалось, у нас приметная.

В два удара сердца мы разбежались в указанных направлениях. Мер через двадцать наша кавалькада галопом выезжала из деревни. Фургон мы оставили, вернее, отец продал его трактирщику.

Скачка галопом с недолгими переходами на рысь, а иногда на шаг, чтобы дать лошадям отдохнуть, продолжалась две части времени, после чего мы свернули к реке для короткого отдыха.

– Лошадей к реке пока не подпускать, они разгоряченные, им нельзя, пусть мер десять шагом ходят. – Отец первым прыгнул с Барса.

– Как думаете, оторвались? – Лекам разминал ноги.

– Вряд ли. – Храм ослаблял подругу второго коня, ему приходилось менять их периодически, так как его вес тяжело давался лошадям. – За нами след, как за армией, да и пару телег по дороге встретили, наверняка укажут, куда мы поехали.

Гномы молча растянулись на траве. Только успели напоить лошадей, как Храм настороженно повернулся в сторону, откуда мы приехали.

– А вот и ответ. – Орк вскочил и, привязывая к дужке седла вторую лошадь, крикнул: – В реку, на тот берег! Плывите рядом с лошадьми, держитесь за седла!

Река была не сильно широкой, локтей шестьсот-семьсот. Некоторые лошади не хотели заходить в воду. Орк стоял на берегу и щелкал их по крупам ножнами. В горячке я не подумал снять латы и меч с пояса, теперь этот груз тянул меня вниз. В голове пронеслось неуместное: «Меч чистить придется», – но тут же мысли переключились на другое.

На берег, с которого мы только что отправились в плавание, выехали преследователи. Они что-то кричали, но разобрать их крики из-за шума, создаваемого фырчащими лошадьми и тяжело дышащими разумными, было невозможно. Мы уже преодолели середину реки, когда в нас полетели арбалетные болты. Я обернулся – стреляли двое, видимо, больше стрелкового оружия у них не имелось. Грянул залп, один болт попал в голову лошади старшего гнома, спустя тридцать ударов сердца кобылу стало сносить, при этом она явно тонула. Гном с вытаращенными глазами не отпуская лука седла.

– Храм, он утонет! – крикнул я орку, так как тот находился ближе всех к гному.

Храм вытянул руку, схватил гнома за бороду и потянул на себя, гном, слава богам, догадался отпустить лошадь. Перезарядка арбалетов длилась меры две-три, нас в это время сносило течением, расстояние увеличивалось. Десятка два отчаянных голов из преследователей бросились в воду. Болты уже почти не долетали до нас, когда один из них

впилился в мою руку. Я вскрикнул и перехватил другой рукой дужку седла. Лекам первым вышел на берег и теперь ловил лошадей, чтобы они не разбежались. Гномы очумело сели на землю.

– Чего сидите? – крикнул орк. – Вон те сейчас доплывут.

Они явно не понимали, чего от них требуют.

– Арбалеты доставайте! – Орк натягивал тетиву на расчехленный лук.

Гномы вскочили и кинулись к своим лошадям. Я тоже вспомнил о выигранном на спор арбалете и бросился искать его в наспех навьюченных сумках. Когда достал, понял, что стрелок из меня никакой, да и рука к тому же перебита.

– Рик, держи! – кинул арбалет растерянно озирающемуся гному, у которого, собственно, его и выпорил.

Первые выстрелы толку не дали. Когда преследователи подплыли ближе, стрела орка пробила одному из них голову, а гномы попали в лошадь. Преследователи поспешно начали разворачиваться назад, так как стало понятно, что, если даже кто-то из них доплывет до берега, горячая встреча ему гарантирована. Мы втроем с отцом и Лекамом уже стояли с вынутыми из ножен клинками. Напоследок гномы сократили количество уплывающих врагов еще на два. Когда стрелять стало бесполезно, наши друзья восторженно запрыгали, вопя что-то на своем языке, судя по выразительности голоса – далеко не комплименты. Я осмотрелся, чего-то не хватало. Гномы! Их всего трое!

– А где Раск?

– Его снесло ниже. – Лекам присел на поваленное дерево. – Тебя перевязать надо.

Я вспомнил про рану, видимо, в запале сражения чувствительность притупилась. Боль пронзила руку. В месте ранения мучительным взрывом отзывался каждый толчок пульса. Лекам ходил между лошадьми, что-то выискивая.

– Выродки! – расстроено воскликнул он. – Лошади с эликсирами нет!

– Если кто-то думает, – орк закончил зачехлять лук, – что ребята с того берега успокоились, то он заблуждается. Река неширокая, и они сейчас ищут мост либо брод. А в худшем случае переправляются вплавь ниже по течению.

– Рик, Шивак, – я собираю лошадей, – дуйте искать Раска.

– Что делать? Дуть?

– Найдите Раска! – слегка повысил я голос.

Гномы, покосившись на меня, пошли ловить своих лошадей.

– Кальд, что с тобой? – Я посмотрел на гнома-кузнеца, который явно находился в прострации.

– Гномы не плавают.

– Ты не умеешь плавать?

– Ни один гном не умеет плавать. Мы не плаваем!

Тут до меня стало доходить, что подразумевал Кальд. Гномы ведь тяжелее людей.

– Собирай лошадей, не время истерить.

Отец обрубал мечом какую-то ветку, закончив, подошел ко мне:

– Открой рот.

Я непонимающе посмотрел на него.

– Открой рот и прикуси палку.

Я выполнил приказ отца.

– Храм!

Орк подошел, взял одной рукой левое предплечье, схватившись за конец болта, с легкостью выдернул его из руки. Ветка в зубах затрещала.

– Лекам. – Отец отошел от меня.

Маг кинжалом вспорол мне рукав и плеснул чего-то явно из гномьей фляги. Рану прожгло, но после эскулапства орка все остальное казалось массажем. Через четверть части появились гномы с найденным Раском. Оказалось, что его снесло гораздо ниже, и он, выбравшись, подобно Кальду, медитировал на берегу. Я был удивлен, как с такой водобоязнью гномы вообще полезли в реку. Кроме Раска гномы привели лошадь, нагруженную эликсирами. Лекам на радостях перевязал меня заново, намазал рану светло-коричневой мазью, на запах соответствующей цвету.

Собравшись и подсчитав потери (не хватало двух лошадей, одна из них была с продуктами, а вторую подстрелили под спасенным гномом), мы отправились в путь. Храм предлагал переплыть на тот берег и тем самым запутать противника, и в его словах было зерно логики, но гномы уперлись и приготовились «остаться на этом берегу и встретить смерть как отважные гномы, а не как лягушки». На почве этого всучили Кальду меч из трофейных. Он с кислым лицом осмотрел его и со словами: «Увидит кто, засмеют», – все-таки надел на пояс.

Храм смог настоять на том, что необходимо пройти по воде вдоль берега локтей двести – с целью запутывания следов. Когда выходили из воды, поняли, что уловка не сработала. Запутать следы не получилось. Лекам заметил схоронившегося наблюдателя на противоположном берегу. Преследователи, как оказалось, не глупы. Выйдя из реки, наш разномастный кавалерийский отряд стал углубляться в лес.

Глава 6

Скользкое баронство

Лес на этом берегу разительно отличался от леса на противоположном. Огромные хвойные исполины стояли на приличном расстоянии друг от друга. Величественность леса, казалось, подчеркивала нашу незначительность в этом огромном мире. Шелест крон деревьев одновременно с полным отсутствием щебета птиц навевали какую-то тоску.

Вскоре отец перевел отряд на рысь. Ехали молча, боялись выдать местоположение, эхо в лесу было глухим, но разлеталось далеко, да и тряска на лошади не способствовала разговорам. В четвертой четверти дня устроили короткий привал, во время которого определили, что на лошади с продуктами был и бурдюк с водой, поэтому наши запасы воды составляло то, что имелось в трех оставшихся флягах. То есть мы остались без воды и еды. После десятимерного отдыха снова пошли рысью, само слово уже вызывало раздражение, однако это был самый оптимальный темп передвижения.

На ночевку остановились уже в сумерках, поужинали сыром, обнаруженным в одной из гномьих сумок, хлеб, лежавший там же, размок и в пищу не годился. Ситуацию с водой исправил ручей, повстречавшийся на пути примерно часть назад, там же напоили коней. Ломтик сыра, доставшийся каждому, не унял голода, а только обострил его. Лошади тоже фыркали, избытка корма для них в хвойном лесу не наблюдалось. Костер не разводили, незачем было, да и боялись преследователей. Храм скупыми приказами распределил смены ночного дежурства. Спали все одетыми, под открытым небом, благо одежда, в отличие от шатра гномов, подсохла, а сапоги, по примеру орка, сняли, еще отъезжая от реки. Моя смена пришлась на предрассветное время, сразу после Шивака, который молча растолкал меня и улегся на мое место спать, видимо, считал, что так теплее.

[Купить полную версию книги](#)